СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.)

I Ю Л Ь.

1904.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій 136.

1904.

Пѣсня моря.

Сонце грѣетъ. Море блещетъ.
Небо сине. Даль ясна,
И, играя съ вѣтромъ, плещетъ
Говорливая волна.

И поетъ ей вѣтеръ смѣлый:
— „Какъ хорошъ нашъ вѣчный споръ!
Любо крыть намъ пѣной бѣлой
Моря царственный просторъ.

Любо парусъ гнать по волѣ,
Въ небѣ хмурить облака,
Смѣло спорить: въ этой долѣ
Радость жизни велика".

А волна журчитъ задорно:
— „Какъ не слушать рѣчь твою!
Я тебѣ всегда покорна:
Дай мнѣ силы! Все залью!"

К. Гребенской.

А. С. Хомяковъ и Н. Я. Данилевскій.

I.

Только одинъ Хомяковъ можетъ быть названъ основоположникомъ русской самобытной философіи, если будетъ доказано, что русскій умъ въ умозрительной области способенъ по своему понимать правду жизни, формы и нормы мышленія, законы и правила дѣятельности, какъ личной, такъ и общественной.

По причинамъ, которыя отнюдь не клонятся къ чести русской школы, созданной и часто измѣняемой на скорую руку, кое-какъ всегда по иноземнымъ образцамъ, и не клонятся къ чести такъ называемой русской интеллигенціи, лѣнивой и неопытной въ мышленіи,— люди, голосъ которыхъ считался авторитетнымъ, мнѣнія которыхъ, какъ вѣщанія оракула, принимались безъ критики и провѣрки, настойчиво и упорно повторяли, что западъ сказалъ все, что надо было сказать по вопросамъ мышленія и совѣсти, что онъ и теперь, никогда не допуская ошибки, говоритъ всегда правду и поэтому его сужденія и опредѣленія мы должны принимать съ рабской покорностью, какъ нѣчто непререкаемое и непогрѣшимое.

Избытокъ сытости и обезпеченности, при склонности къ лѣнивой праздности и незамысловатому комфорту, создавалъ и создаетъ тѣхъ лишнихъ людей, которыми съ какой-то стати даже гордится наша литература, которые, ненужные дома, были лишними и на чужой сторонѣ, которымъ жизнь давалась легко, что убивало всякую серьезность и послѣдовательность мысли и устойчивость въ умственномъ трудѣ. Что именно сказалъ западъ и что онъ говоритъ теперь,— они въ сущности никогда толкомъ не знали, ибо и для этого необходима вдумчивость, къ которой они не привыкли, и навыкъ къ умственному труду, котораго у нихъ не было и нѣтъ. Они могли и умѣли замѣтить только то, что само собою бросалось въ глаза своею причудливостью и необычностью.

Эти лишніе люди, нынѣ присвоившіе себѣ имя интеллигенціи, не

имѣли и не имѣютъ ни охоты, ни способности изучать жизнь и мышленіе запада во всемъ ихъ объемѣ, въ ихъ послѣдовательномъ и органическомъ развитіи, въ теоретическомъ и жизненномъ обоснованіи дѣлаемыхъ обобщеній и выводовъ. Они всегда довольствовались поверхностнымъ усвоеніемъ только того, что было въ модѣ. Но и за модой угнаться они не могли. Ихъ плѣняли только тѣ доктрины и теоріи, отъ которыхъ западная наука въ лицѣ достойныхъ и серьезныхъ своихъ представителей уже отказывалась и которыя становились дешевымъ достояніемъ улицы, у которой всегда бываютъ свои кумиры и свои властители площадныхъ думъ.

Въ мышленіи и сознаніи лишнихъ русскихъ людей, т. е. русской интеллигенціи, всегда только догнивали, какъ мы уже замѣтили прежде, несвѣжіе и ненужные отбросы западной мысли, гнилыя корки лопнувшихъ теорій и неудачныхъ обобщеній.

При такихъ условіяхъ никакое творчество, конечно, невозможно. Нѣкоторая разнузданность мысли и совѣсти, которая подсказываетъ будто бы совершенно новыя слова и открываетъ мнимо-новые пути, выступая подъ облыжнымъ именемъ свободы мнѣній и совѣсти, свидѣтельствуетъ не объ избыткѣ творческихъ силъ, а о добровольномъ одичаніи лишняго человѣка, требующаго признанія и освященія своимъ безстыднымъ влеченіямъ и непристойнымъ поступкамъ.

Въ началѣ XX в. мы, повидимому, присутствуемъ при ликвидаціи этого низменнаго, при всемъ его высокомѣріи, „теченія“ жизни, ибо оно, къ счастью, начинаетъ выражаться въ такихъ уродливыхъ и безсмысленныхъ формахъ, которыя, дастъ Богъ, приведутъ къ спасительному повороту отъ этой до цинизма откровенной эволюціи. Похмѣлье послѣ оргій Горькаго дастъ себя знать. Нашъ малопризнанный, но пламенный и убѣжденный оргіастъ, В. В. Розановъ, который половую распущенность пытается возвести въ богословскій догматъ и иногда является проповѣдникомъ богословствующаго садизма, тоже дошелъ до точки. Дальше дороги нѣтъ. Терситъ слишкомъ обнаженъ и его безобразіе колетъ всѣмъ глаза.

При всей непристойности этихъ постыдныхъ явленій въ области умственной жизни, все-же несомнѣнно, что они являются необходимымъ и вполнѣ естественнымъ выводомъ изъ тѣхъ посылокъ, которыми жила наша интеллигенція за послѣдніе полтора или даже два вѣка. Теперь, отбросивъ стыдъ, только прямо и безъ обиняковъ говорятъ то, что прежде прятали подъ покровы съ виду приличныхъ доктринъ и теорій.

Все это западническое теченіе въ русской литературѣ для творческихъ и зиждительныхъ начинаній было безплоднымъ и, отвлекая легкія мысли лишнихъ людей къ затѣйливымъ и безпечнымъ забавамъ, принижало всякое мышленіе и дѣлало ненужнымъ всякій умственный трудъ.

Великіе и „передовые умы“ на этой дорогѣ — на самомъ дѣлѣ малы и плохи. Въ нихъ всегда больше дерзновенія, чѣмъ серьезности, а легкомысліе никогда не было источникомъ философіи и науки.

Самый вопросъ о возможности самобытной русской философіи — на этой почвѣ не имѣетъ смысла. Тамъ, гдѣ законы логики и послѣдовательнаго мышленія теряютъ все свое значеніе для цѣлаго поколѣнія и даже для нѣсколькихъ поколѣній лишнихъ людей, понятія о философіи и объ историческихъ началахъ жизни — по необходимости смутны и сбивчивы.

Первую и очень удачную попытку вырваться изъ этого постыднаго рабства всегда легкомысленной и всегда похотливой подражательности сдѣлалъ Хомяковъ. Предшественниковъ и учителей у него не было.

II.

Хомяковъ называлъ иногда своими учителями Ломоносова и Шишкова. Но къ этому признанію надо относиться очень осторожно.

Иногда Хомякову казалось, что у него ничего своего нѣтъ, что всѣмъ обиліемъ своихъ взглядовъ и выводовъ онъ обязанъ другимъ. Ему казалось, что сущность православія и его отличіе отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій онъ понялъ и уяснилъ себѣ только благодаря своей матери, — женщины очень благочестивой и набожной, но, насколько извѣстно, совсѣмъ не сильной въ области отвлеченнаго мышленія. Ему казалось, что мыслью и словомъ онъ не все взялъ изъ духовнаго богатства своей жены, не всѣмъ ея сердечнымъ и душевнымъ влеченіямъ и инстинктамъ далъ образъ и воплощеніе.

Переводя факты жизни въ отвлеченныя понятія, облекая затаенные и безсознательные процессы своей и чужой духовной жизни въ опредѣленныя формулы, онъ, по необъяснимой скромности, не хотѣлъ понять, что это дѣло по плечу только великому мастеру, что прислушиваться къ жизни и понимать ея живой голосъ—способность немногихъ исключительныхъ умовъ, какихъ даетъ не всякое поколѣніе, что у многихъ бывали и бываютъ хорошія матери и жены, но изъ счастливыхъ сыновей и мужей далеко не всѣ изъ таинственныхъ нѣдръ безсознательной или полусознательной ихъ жизни могутъ сдѣлать новые и самобытные выводы философской мысли.

Друзья, знакомые и послѣдователи Хомякова, люди большихъ дарованій, дисциплинированной и гибкой мысли, яснаго и трезваго ума, люди многосторонняго опыта въ научной и литературной об-

ласти,—главную черту духовной личности основоположника русскаго міросозерцанія видѣли въ его оригинальности, въ томъ, что, при исключительной эрудиціи, въ своихъ взглядахъ, въ способѣ искать и доказывать истину, въ манерѣ обобщать однородное и различать несродное,—онъ совсѣмъ не похожъ на другихъ. А Хомяковъ утверждалъ, что все доброе и цѣнное онъ получилъ отъ другихъ, что онъ мыслитъ не за себя и не для себя, а за всѣхъ и для всѣхъ.

Онъ, по его признанію, не любилъ цитатъ и авторитетовъ. Но зато и самъ себя никогда не считалъ авторитетомъ, не требовалъ слѣпого довѣрія къ своимъ доказательствамъ и выводамъ — только на томъ основаніи, что эти доказательства представлены, а эти выводы сдѣланы *именно имъ*. Онъ не имѣлъ притязанія на непогрѣшимость, допускалъ, что и онъ можетъ ошибаться и, когда его друзья хотѣли видѣть въ немъ учителя, онъ хотѣлъ и умѣлъ учиться не только у своихъ учениковъ, но и у людей простыхъ, облекая въ умное слово добрыя *дѣла* и скромные *подвиги*.

Горделивая жажда авторства,—самолюбивое, ревнивое и завистливое стремленіе установить и закрѣпить за собою первенство новой мысли,—не волновали его многодумную голову, его честное и чистое сердце, чуткое къ добру и къ правдѣ, а не къ внушеніямъ узкаго и ограниченнаго эгоизма.

Онъ не хотѣлъ уноситься отъ жизни въ заоблачныя области отвлеченныхъ обобщеній, въ которыхъ такъ много личнаго произвола, а потому и личной ограниченности. Онъ не вѣрилъ тому, что умные и ученые люди его поколѣнія уже узнали всю истину, во всей ея полнотѣ, что въ области науки и мышленія наступилъ послѣдній завершительный періодъ многовѣковаго развитія, что найденъ и установленъ единый, всепроникающій и всеобъемлющій принципъ познанія, что наука уже пріобрѣла, какъ когда-то въ Римѣ папа, внѣшній авторитетъ непогрѣшимости. Поэтому онъ оставлялъ просторъ для усилій личной мысли подъ непремѣннымъ условіемъ полнаго и неотступнаго вниманія къ формамъ и содержанію наличной и исторической дѣйствительности. Онъ боялся излишней стройности и законченности философской концепціи въ справедливомъ убѣжденіи, что ради этой стройности и законченности насильственно и грубо урѣзывается разнообразіе жизни, что несвоевременно приносятся ненужныя и слишкомъ щедрыя жертвы закону сходства въ ущербъ закону различія.

Метафизика, пытающаяся сказать *послѣднее* слово по всѣмъ общимъ вопросамъ знанія и жизни, по необходимости рѣжетъ по живому, сокращаетъ и съуживаетъ область познаваемаго и въ ея скудномъ освѣщеніи меркнутъ и линяютъ живыя и многообразныя краски, тонкіе, пока еще неуловимые оттѣнки сущаго.

Философія, которая въ области познаваемаго находитъ, признаетъ и полагаетъ, какъ первооснову бытія, что-либо абсолютное, т. е. обнаруживаетъ высокомѣрное, но всегда произвольное и неосуществимое стремленіе обнять и построить всю жизнь и весь міръ изъ одного логическаго понятія, изъ одного умозрительнаго принципа,—беретъ на себя слишкомъ много, не принимаетъ въ счетъ того неизмѣримаго движенія времени, которое отмѣрено для длинной вереницы грядущихъ поколѣній, т. е. хочетъ стать внѣ времени и, поднявшись надъ медленнымъ и послѣдовательнымъ теченіемъ историческаго процесса, подвести итоги еще не совершившемуся. Это признакъ грубаго и насильственнаго ума, соблазняемаго безумнымъ въ нелѣпой гордости и глубоко обскурантнымъ по своей преждевременности и ограниченности стремленіемъ навязать другимъ мысль, что внѣ даннаго сознанія никакой другой жизни нѣтъ, что въ этомъ сознаніи будто бы сошлись и закончились всѣ пути и дороги человѣческаго мышленія и познанія, дѣятельности и творчества, жизни и науки, что къ нашему времени наука и мышленіе сдѣлали все, что могли и должны были сдѣлать, что для грядущихъ вѣковъ не остается уже никакой работы.

Хомяковъ не сторонился отъ жизни, чтобы замкнуться въ личномъ величіи, въ высокомѣрномъ сознаніи полнаго превосходства надъ „толпой“ и исторіею, въ аристократическомъ презрѣніи къ „темнымъ“ людямъ. Въ этой мнимой темнотѣ горѣли свои огни и глазъ Хомякова былъ достаточно зорокъ, чтобы ихъ увидѣть. Онъ шелъ въ эту темноту за этими огнями, выносилъ ихъ изъ-подъ спуда, ставилъ на свѣщницѣ, и свѣтъ этихъ огней, какъ мы видѣли уже и увидимъ дальше, былъ ярокъ.

Прежде, чѣмъ сказать свое слово, онъ долго и чутко прислушивался къ многоразличнымъ голосамъ прошлой и текущей жизни и, когда, весь обвѣянный отзвуками только что смолкшихъ рѣчей, онъ начиналъ говорить самъ, ему казалось, что онъ только повторяетъ что-то чужое. И именно поэтому его слово было живо и полно содержанія. Онъ не считалъ себя авторомъ и создателемъ той правды, которая отвѣчала на всѣ вопросы и сомнѣнія его ума, которая давала миръ и покой всѣмъ бурямъ и волненіямъ совѣсти, но видѣлъ въ себѣ только какъ бы переводчика, который отрывочные и нестройные звуки безсознательной или полусознательной жизни переводитъ на языкъ сознательности и отвлеченной мысли.

И ему казалось, что дѣло такого переводчика легко и не составляетъ большой заслуги.

При такой постановкѣ вопроса особенное удивленіе возбуждаетъ то именно обстоятельство, что опытные и умные люди именно въ этомъ и видѣли верхъ оригинальности Хомякова. Это доказываетъ,

какъ мало скромности бываетъ у людей, гордыхъ личнымъ знаніемъ и личною мыслью, какъ плохо эти люди сознаютъ свою зависимость въ области мысли и творчества отъ исторіи, окружающей среды и своего народа, какъ далеко у нихъ мысль ушла отъ жизни. Это доказываетъ, что въ глубинѣ ихъ совѣсти гдѣ-то глубоко гнѣздится убѣжденіе, что общественная и народная жизнь сама по себѣ безсмысленна, что только ослѣпительнымъ сіяніемъ своей собственной одинокой головы они, какъ новые боги, озаряютъ бездонныя бездны мрака въ дебряхъ безумной и безсмысленной исторіи, въ совѣсти темнаго и невѣжественнаго народа.

Здѣсь несомнѣнно неправы до извѣстной степени какъ самъ Хомяковъ, такъ и его друзья. Нуженъ зоркій глазъ и чуткое ухо, чтобы найти дорогу въ туманѣ. Несомнѣнно, что только въ сознаніи и совѣсти Хомякова могли сложиться тѣ обобщенія и выводы, которые онъ сдѣлалъ, что своеобычный складъ его духовной личности отразился на всѣхъ процессахъ и моментахъ его работы, что печатью его духа отмѣчено движеніе новой, отнынѣ закрѣпленной и установленной мысли, — какъ несомнѣнно и то, что онъ не изъ пальца высосалъ основныя начала своего міровоззрѣнія, не сплелъ, какъ паукъ паутину въ пыльномъ кабинетѣ отъ одного книжнаго шкафа къ другому, пріемы и методы своихъ изысканій и доказательствъ, а извлекъ ихъ изъ вдумчиваго и внимательнаго изученія исторіи народной жизни и народной правды.

Онъ не могъ бы сказать того, что онъ сказалъ, если бы этого *до него* не было—и въ безсознательныхъ влеченіяхъ исторической, общественной и народной жизни, и въ полусознательныхъ предчувствіяхъ правды въ словахъ отдѣльныхъ личностей. Если бы Хомякова не было, это сознаніе пробилось бы на свѣтъ Божій черезъ какую-нибудь другую голову. Сознаніе, быть можетъ, смутное и не ясное, уже *было*; поэтому умереть или совсѣмъ погаснуть оно не могло. Если бы не Хомяковъ, то другой кто-нибудь далъ бы ему слово, форму и воплощеніе. Если бы оно вылилось и сказалось не сразу и не все цѣликомъ, оно опредѣлилось бы медленно, постепенно и по частямъ.

У истока судьба поставила Хомякова. И онъ первый занесъ на скрижали русской самобытной культуры первыя блестящія страницы пробуждающагося русскаго самосознанія и громко заговорившей совѣсти. Языкъ, еще недавно почти нѣмой, нашелъ способность рѣчи и сознательно, отчетливо и ясно сказалъ свои первыя слова.

Сразу и во всемъ своемъ объемѣ передъ зоркими и проницательными очами Хомякова развернулась широкая, сложная, разнообразная перспектива новаго горизонта. Онъ не останавливался на мелочахъ и подробностяхъ этой едва обозримой перспективы. Ему

удалось схватить отъ нея общее впечатлѣніе и задержать его въ горячемъ, иногда страстномъ, но всегда выразительномъ и содержательномъ словѣ. Ярче всего озарилось центральное мѣсто развертывавшейся картины,—православный храмъ, русская церковь, хранительница вселенскихъ преданій. Дальніе и задніе планы скрывались еще въ тѣни. Разнообразіе подробностей часто пропадало въ слишкомъ широкихъ и общихъ формулахъ. Нива, предназначенная для великаго посѣва, была слишкомъ велика, чтобы ее можно было поднять трудами одинокаго пахаря. Но онъ, какъ первый собственникъ, обвелъ бороздою всю эту огромную площадь и на правахъ собственника завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ всѣ рубежи и межи, „куда его соха и топоръ ходили".

Въ виду этого объ учителяхъ Хомякова надо говорить очень осторожно. Всегда скромный, не всегда сдержанный только въ проявленіи чувства благодарности и пріязни, онъ считалъ Венелина прямо геніальнымъ писателемъ, а Шишкова называлъ своимъ учителемъ. Но Шишковъ по силѣ мысли, глубинѣ пониманія и запасу знаній стоитъ настолько ниже Хомякова, что говорить серьезно о дѣйствительномъ преемствѣ мысли едва-ли возможно. Дай Богъ, если Шишковъ далъ для мысли Хомякова столько, сколько дали ему мать и жена. Хомяковъ имѣлъ исключительную способность видѣть незримое для всѣхъ другихъ очей и горячо благодарить за то, чего никто другой, кромѣ его, не могъ бы взять. Надо было смотрѣть сквозь Шишкова, чтобы на значительномъ отъ него отдаленіи увидѣть то, что Хомяковъ видѣлъ.

Другое дѣло Ломоносовъ. Здѣсь есть соединительная нить, но она не крѣпка и ее надо держать съ большой опаской, чтобы она грѣхомъ не порвалась. У Ломоносова умъ былъ нѣсколько другого порядка. Правда, его иногда занимали, хотя сравнительно рѣдко и мало, и тѣ вопросы, въ постановкѣ которыхъ лучшая заслуга Хомякова. Но по духу онъ больше птенецъ гнѣзда Петрова, онъ весь въ блескѣ Петрова сіянія. Въ наукѣ онъ прежде всего цѣнилъ ея практическую полезность и поэтому охотнѣе всего служилъ прикладной наукѣ. Онъ не жаловалъ своихъ товарищей по де Сіянсъ Академіи, нѣмцевъ, — но главнымъ образомъ за ихъ безтолковость, недобросовѣстность и нахальство. Когда онъ говорилъ „о собственныхъ Платонахъ и быстрыхъ разумомъ Невтонахъ", онъ едва-ли съ достаточною сознательностью предчувствовалъ, что этимъ Платонамъ и Невтонамъ, когда они будутъ и если они будутъ, предстоитъ *свое* особое дѣло, что имъ почти все придется начинать съизнова, что русскій умъ и русская совѣсть не могутъ влиться въ готовыя формы западной научности. За формулами и выводами точной науки онъ какъ будто не видѣлъ той туманной пелены, которая подъ именемъ

научности таила въ себѣ чисто практическія и несомнѣнно эгоистическія пружины западной науки, философіи и культуры. Онъ раньше другихъ замѣтилъ всѣ смѣшныя и постыдныя стороны холопской подражательности Западу, но сущность различія между духовными началами западной и русской жизни ему, повидимому, не представлялась во всемъ ея объемѣ,—по крайней мѣрѣ, въ ясной и отчетливой формѣ.

Здѣсь первое сознательное и глубоко продуманное слово принадлежитъ несомнѣнно Хомякову. Онъ положилъ первый камень того міровоззрѣнія, которое, какъ чувство и настроеніе, можетъ быть, существовало и до него, но отнюдь не достигало полной сознательности. Этому чувству не хватало слова и это слово далъ ему Хомяковъ. На этотъ строй чувствъ и мыслей онъ наложилъ свою печать и дальнѣйшее движеніе въ уясненіи имъ указанныхъ началъ вошло въ исторію съ его именемъ, до сихъ поръ хранитъ слѣды его личной мысли и его совѣсти.

Какъ бы пробилось и сказалось то почти безсознательное чувство, которое просыпалась иногда и въ XVIII в., если бы не было Хомякова, чего бы не хватало въ формулахъ и выводахъ и что было бы развито полнѣе или въ другомъ освѣщеніи,—это вопросъ пока темный и по существу дѣла почти праздный, ибо въ исторіи мысли, какъ и въ исторіи народа, надо считаться съ фактами, а не съ возможностями и догадками.

Въ яркой самобытности Хомякова, который всегда чуждался авторской гордости, зародились и вызрѣли сѣмена новаго круга идей и понятій, новаго міровоззрѣнія, которое съ нимъ родилось, съ нимъ и въ немъ окрѣпло и вошло въ жизнь подъ его стягомъ.

III.

Хомяковъ не могъ не имѣть своихъ послѣдователей и учениковъ, Онъ далъ не отвлеченную теорію, оторванную отъ жизни и созданную личнымъ мечтательнымъ произволомъ одинокаго мыслителя, но программу личной и общественной жизни въ полномъ духовномъ единеніи съ народомъ на живыхъ преданіяхъ и завѣтахъ русской исторіи.

Онъ говорилъ не о тѣхъ „сверхъ-человѣкахъ“ Ницше, которыхъ въ природѣ пока нѣтъ, да, Богъ дастъ, и не будетъ, — не о тѣхъ сверхъ-босякахъ Горькаго, которыхъ тоже въ жизни нѣтъ, которые даже по ихъ теоретическому построенію въ условіяхъ нашего существованія невозможны и которые, существуя только въ выдумкѣ, обнажаютъ загнившія раны босяцкой души только ихъ автора,—не о тѣхъ сверхъ-блудникахъ В. В. Розанова, которые въ мистическомъ экстазѣ

богословствующаго садизма ищутъ новыхъ формъ усталаго, безсильнаго и холоднаго сладострастія, новыхъ формъ половой извращенности,—даже не о томъ „блаженствѣ рода человѣческаго“, о которомъ, по сказкамъ энциклопедистовъ, когда-то мечтала просвѣщенная и увлекающаяся Екатерина и о которомъ, по сказкамъ Маркса и Энгельса, мечтаютъ теперь наши доморощенные соціалисты съ ихъ болѣе чѣмъ неопрятными представленіями о блаженствѣ и съ ихъ глубоко безграмотнымъ понятіемъ о человѣческомъ родѣ, — а говорилъ о возможности и необходимости честной жизни честныхъ людей, сознающихъ свои обязанности къ Богу и къ народу.

Совсѣмъ замолчать его было невозможно. Онъ говорилъ правду почти всѣ—по крайней мѣрѣ, въ глубинѣ души, — сознавали, что онъ говоритъ правду. Не логика и не доказательства ставились противъ его ученія,—на этихъ шпагахъ наши западники фехтовать не мастера,—а тенденціи и „вѣрованія“ нашей интеллигенціи, давно утратившей всякую вѣру. Голое отрицаніе вмѣсто спора, словоизвитія на почвѣ мелководныхъ и мимолетныхъ теорій, безмѣрно-легкомысленное отношеніе къ давно установленнымъ и испытаннымъ методамъ научнаго и вообще отвлеченнаго мышленія — вотъ тѣ боевыя силы, которыя выдвигали и выдвигаютъ старовѣры запада противъ своего противника.

Это, впрочемъ, въ лучшемъ случаѣ, хотя и худшіе — тоже не рѣдкость. Еще недавно г. Розановъ, отбросивъ всякій стыдъ передъ читателями, которыхъ онъ, должно быть, считаетъ сущими невѣждами, клеветнически оболгалъ Хомякова, приписалъ ему мысли, какихъ у него никогда не было, и для борьбы съ Хомяковымъ обворовалъ Хомякова, т. е. мыслями Хомякова мечталъ его прикончить. Онъ говорилъ, что въ проповѣди любви у Хомякова мало любви и эта любовь не настоящая, а что настоящая любовь только у него, г. Розанова, и что только онъ, г Розановъ, сверхъ-блудникъ и сверхъ-босякъ, весь татуированный хитрыми узорами растлѣваемаго имъ богословія, любить умѣетъ... Про какую любовь говоритъ г. Розановъ, можно видѣть по его совершенно непристойной статьѣ объ еврейской миквѣ и объ индивидуальной физіономіи всякаго, даже совершенно негоднаго фаллуса.

Это только къ примѣру. Не такимъ безшабашнымъ и только ради теоріи очень блудливымъ оргіастамъ, какъ г. Розановъ, говорить о любви и Хомяковѣ.

А то озлобленіе, съ которымъ говорятъ о Хомяковѣ уже давно, вполнѣ понятно и объясняется очень простыми побужденіями. Вѣдь если онъ правъ, то всѣ его противники неправы не только въ теоретическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Тогда не только

ихъ дѣятельность, но и ихъ руководящія идеи принимаютъ характеръ нечестности, деспотизма и тиранніи.

Совѣсть нашей интеллигенціи легко и скоро примирилась съ тѣми формами жизни и общественныхъ отношеній, которыя на западѣ сложились на почвѣ феодализма и насилія. Выдѣливъ себя изъ народа и продолжая жить на счетъ народа, интеллигенція признала себя за нѣчто самодовлѣющее, за какую-то цѣль въ себѣ, за что-то ни передъ кѣмъ неотвѣтственное. Это усыпленіе и омертвѣніе совѣсти давало буйный просторъ для личнаго произвола не только въ области теоретическихъ построеній, но и въ области нравственныхъ побужденій, а на этой почвѣ непомѣрная легкость, извращенность нравовъ становится краеугольнымъ камнемъ теоріи и практики.

Здѣсь на всемъ протяженіи обнаружилась не только несовмѣстимость, но и полная противоположность взглядовъ и принциповъ. Разъ это противоположеніе существовало, и притомъ въ такой очевидной и категорической формѣ, замазать его и отмолчаться отъ него было невозможно. Являлась необходимость изучить пункты и моменты контраста, провѣрить спорные счеты и разъ навсегда рѣшить дѣло въ пользу той или другой стороны. А мысль Хомякова плѣняетъ каждаго безпристрастнаго изслѣдователя своею глубокою серьезностью, искренностью, прямотою и правдивостью.

Кружокъ славянофиловъ первымъ сталъ на стражѣ чистоты новаго ученія, бывшаго достояніемъ немногихъ. На первыхъ порахъ принимая безъ критики и провѣрки основныя догмы, послѣдователи и ученики Хомякова брали его ученіе цѣликомъ, какъ нѣчто безусловно доказанное и непререкаемое, и на этихъ догмахъ строили свои дальнѣйшіе выводы. Сильные внутреннимъ убѣжденіемъ и сознаніемъ своей правды, они не видѣли побужденій выяснить и установить логическія и теоретическія основы сложныхъ и широкихъ выводовъ, но клали эти выводы въ основу дальнѣйшихъ обобщеній въ области не столько культурной, сколько общественной и политической жизни.

При такой постановкѣ дѣла ученіе должно было оставаться только въ тѣсномъ кругу лицъ, объединенныхъ общностью убѣжденій. При глубокой серьезности и нравственной высотѣ тѣхъ идеаловъ, которыя поставилъ для жизни и мышленія Хомяковъ, подъ его стягомъ могли собраться только люди строгой и дисциплинированной мысли, только строгой и непостыдной жизни, потому что это требованіе вытекало изъ самой сущности основныхъ началъ славянофильства. Этимъ и объясняется, что славянофильскій кружокъ былъ немноголюденъ и тѣсенъ, что его убѣжденія только съ великимъ трудомъ пролагали себѣ дорогу на журнальномъ и литературномъ рынкѣ.

Хомяковъ не обосновалъ своего ученія на строго научной почвѣ, не вылилъ его въ тѣ логическія формы, въ которыхъ выводы могутъ получить широкое распространеніе и внѣшніе признаки обязательности для каждаго здороваго мышленія. Не сдѣлали этого и его ближайшіе послѣдователи. При такихъ условіяхъ оно было доступно только немногимъ избраннымъ рыцарямъ духа, только той аристократіи мысли, у которой запасъ знанія и опыта былъ достаточно великъ, чтобы видѣть правду сквозь случайные и иногда символическіе покровы.

Но теперь значительная часть этихъ выводовъ должна стать общимъ достояніемъ, постояннымъ и неизмѣннымъ убѣжденіемъ каждаго истинно-русскаго человѣка. Среди послѣдователей Хомякова нашелся человѣкъ исключительныхъ теоретическихъ дарованій, съ огромною, почти всеобъемлющею эрудиціею, который значительную часть выводовъ Хомякова облекъ въ строго научныя формы и обосновалъ ихъ на научной почвѣ.

Это, конечно, Н. Я. Данилевскій.

IV.

Можно съ увѣренностью сказать, что если бы не было Хомякова, не было бы и Данилевскаго, или Данилевскому пришлось бы самому поднимать дѣвственную почву нетронутой нивы. Тогда, быть можетъ, обиліе грубой и черной работы пахаря и сѣятеля надорвало бы его силы и помѣшало бы ему проявить столько энергіи, распорядительности и искусства при сборѣ жатвы.

Но, если бы не было Данилевскаго, славянофильство, съ его содержательными и великолѣпными намеками, съ его богатыми обѣщаніями, съ его жизненными и плодотворными началами, до сихъ поръ стояло бы очень далеко отъ жизни, какъ трогательная вѣра немногихъ благородныхъ умовъ, чувствующихъ и сознающихъ свою правоту, но еще неготовыхъ къ немедленному и планомѣрному осуществленію въ жизни своихъ идей.

Съ Данилевскимъ въ ученіи и общинѣ славянофиловъ произошелъ благодѣтельный переломъ, который открылъ новые горизонты и новыя дороги для созрѣвшей теперь и вполнѣ опредѣлившейся мысли.

Хомяковъ, будь онъ еще даровитѣе и проницательнѣе, обладай онъ еще бо̀льшимъ запасомъ научныхъ знаній, если это возможно, все-же не могъ бы сдѣлать того, что сдѣлалъ Данилевскій. Онъ былъ почти очевидцемъ той великой катастрофы, которая постигла нѣмецкую философію. Дѣлаетъ большую честь его проницательности,

что онъ, одинъ изъ очень немногихъ, глубоко понялъ смыслъ и значеніе совершающихся событій и предсказалъ, въ общихъ чертахъ безошибочно, ихъ неизбѣжныя слѣдствія. Но онъ не предполагалъ, что эти послѣдствія обнаружатся такъ скоро, что жизнь забьется и пойдетъ ускореннымъ темпомъ, что крахъ самонадѣяннаго раціонализма обнажитъ практическія и матеріальныя пружины западной научности. Въ то время выводы и внѣшняя оболочка выводовъ Данилевскаго были невозможны уже по условіяхъ времени. Для опредѣленности и точности обобщеній не хватало матеріаловъ.

Можно ли Данилевскаго назвать ученикомъ Хомякова? Да, но только до извѣстной степени. Этотъ ученикъ въ свою очередь сразу же сталъ учителемъ и притомъ въ тѣхъ вопросахъ, которые онъ выдвинулъ и поставилъ самъ и которыхъ Хомяковъ не предвидѣлъ.

Не всѣ великолѣпные и полные внутренняго содержанія намеки Хомякова онъ раскрылъ въ строгой и законченной формѣ научной истины. Здѣсь осталось достаточно работы и для другихъ будущихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Хомяковъ еще далеко не исчерпанъ. Но то, что Данилевскій взялъ у него, сдѣлано до конца; *эту* работу передѣлывать не придется. Въ строго опредѣленныхъ, а именно поэтому и легко подвижныхъ формахъ современной научности, онъ воплотилъ значительную часть тѣхъ, правда широкихъ, но иногда смутныхъ и даже туманныхъ идей, которыя стояли надъ сознаніемъ лучшихъ русскихъ людей, и отъ себя внесъ въ это дѣло много своего, чему предстоитъ еще жить и развиваться.

Умъ, такой же своебычный и находчивый, такой же спокойный и трезвый, какъ и умъ Хомякова, Данилевскій насквозь видѣлъ промахи, натяжки и фальшь въ чужой, иногда блестящей и увлекательной аргументаціи и отъ его зоркости мнимо-научные, а на самомъ дѣлѣ схоластическіе или софистическіе покровы не могли скрыть затаеннаго зерна мысли. Хомяковъ шире въ замыслѣ, но у Данилевскаго больше мастерства и отчетливости въ исполненіи. У Хомякова больше вѣры, а черезъ вѣру и великихъ надеждъ; у Данилевскаго больше знанія дѣйствительной жизни и обычныхъ будничныхъ побужденій человѣческой дѣятельности, а потому и надеждъ меньше. Онъ часто проще и реальнѣе смотритъ на вещи, чѣмъ Хомяковъ. Быть можетъ, лучшимъ доказательствомъ его творческой самобытности является то, что онъ рѣшительно и категорически отбросилъ слишкомъ величавыя и слишкомъ неопредѣленныя мечты Хомякова о *завершительномъ* значеніи для человѣчества возникающей русско-славянской культуры.

Данилевскій такой же врагъ цитатъ и авторитетовъ, какъ и Хомяковъ. Оба они цѣнили въ своей работѣ не тѣ факты, которыми они пользовались для своихъ выводовъ, но тѣ общія начала, слѣдуя которымъ, можно было вести процессъ доказательства не шаблоннымъ и избитымъ путемъ, по которому идутъ многіе, не встрѣчая на своей дорогѣ ничего новаго и своего. Какой-то молодою свѣжестью вѣетъ отъ этого вполнѣ свободнаго и всегда новаго творчества, льющагося изъ избытка какъ бы непочатыхъ силъ.

Но мысль Хомякова зарождалась и крѣпла на умозрительной почвѣ, въ діалектическихъ битвахъ, въ дисциплинѣ отвлеченнаго мышленія, хотя чуткость къ исторической и народной жизни всегда сдерживала слишкомъ смѣлый размахъ обобщеній и спасала отъ деревянныхъ абсолютовъ нѣмецкой философіи. А мысль Данилевскаго, воспитанная на постоянномъ примѣненіи къ изслѣдованію методовъ точной положительной науки, осторожно и въ своемъ послѣдовательномъ развитіи медленно поднималась надъ фактами и всегда удерживалась отъ обобщеній тамъ, гдѣ подъ ногами не было фактической почвы.

Одинъ шелъ сверху, другой снизу и они *почти* сходились на одной линіи. Правда, небольшой промежутокъ между ними оставался. И надо вмѣнить въ большую заслугу Данилевскому, что онъ чуть чуть понизилъ гордыя притязанія Хомякова, чтобы тѣмъ настойчивѣе и энергичнѣе стоять за неоспоримую собственность.

Только лѣностью, косностью и дикою кружковою замкнутостью нашей интеллигенціи можно объяснить то, что имя Данилевскаго не звучитъ достаточно громко. Онъ, какъ и Хомяковъ, одинъ сдѣлалъ столько, сколько не сдѣлала бы, пожалуй, цѣлая школа ученыхъ. То, что возбуждало столько безконечныхъ споровъ и пререканій съ западомъ, Данилевскимъ всесторонее изучено, строго взвѣшено и замкнуто въ легкую и изящную форму. Каждый русскій въ его работахъ найдетъ полный арсеналъ оружія для нападенія и защиты при встрѣчѣ съ любымъ бойцомъ изъ западнаго лагеря и ему не придется стыдиться за репутацію фирмы, за прочность и мастерство работы.

V.

Для того, чтобы расчистить почву для посадки русской самобытной философіи, надо прежде всего очистить Авгіевы конюшни, пока занимающія ея мѣсто.

Мы уже говорили, что холопская подражательность западу и отчужденіе нашей интеллигенціи отъ народа „должны были создать цѣлый рядъ логическихъ фикцій, упорныхъ, хотя ничѣмъ не доказанныхъ общихъ предположеній, составляющихъ истинную цѣпь раб-

ства, ибо, по неотклонимому логическому закону, западникъ долженъ имѣть больше *вѣры* въ западъ, чѣмъ имѣетъ ея самъ западъ, который живетъ своею жизнью и не имѣетъ нужды доказывать свое право на существованіе и во всемъ претендовать на непогрѣшимость".

Мы говорили объ этихъ пугалахъ, „которыя стерегутъ дебри русскаго раціонализма всѣми силами русскаго научнаго и философскаго обскурантизма".

Мы говорили, что „понятія о наукѣ, борьбѣ и прогрессѣ на русской почвѣ стали безжизненными и бездушными фетишами безсмысленнаго и суевѣрнаго культа, достойнаго первобытныхъ дикарей. Ихъ живое и опредѣленное содержаніе пропало и они превратились въ огромныхъ и безобразныхъ идоловъ, очертанія которыхъ теряются въ клубящихся туманахъ жертвеннаго ѳиміама. Мнимые враги обскурантизма къ началу XX вѣка создали изъ обскурантизма религію и склонились къ подножью мертвыхъ кумировъ".

Эти логическія фикціи связаны главнымъ образомъ съ слѣдующими словами: 1) Европа и человѣчество, 2) прогрессъ и культура, 3) наука и истина и 4) борьба (классовая,за существованіе и т. п.).

Понятія, соединенныя съ этими словами, имѣютъ огромное значеніе въ современномъ мышленіи. Если хоть однимъ изъ нихъ станутъ злоупотреблять, придавать ему несвойственное или неподобающее значеніе, всякое мышленіе сведется къ нулю и откроется широкая дорога для самаго празднаго пустословія, которымъ такъ тупо гордится наше время.

Представьте себѣ, что же будетъ, если всѣ эти понятія утратятъ свое логическое значеніе и превратятся въ какія-то безформенныя химеры безъ строго опредѣленнаго объема, безъ точно обозначенныхъ границъ? Мысль несомнѣнно погрузится въ какой-то довременный хаосъ, будутъ слова, но въ нихъ не будетъ никакого смысла и мѣсто здороваго мышленія займетъ болтливость, близкая къ сумасшествію. А всѣ эти слова въ настоящее время утратили свое дѣйствительное значеніе и свойственныя имъ понятія давно вышли изъ своихъ границъ.

Пока возможно ложное пониманіе и опредѣленіе этихъ понятій, логическое мышленіе въ вопросахъ о типахъ и формахъ отвлеченной мысли прямо невозможно. Прежде всего надо возстановить ихъ истинный смыслъ и только тогда пользоваться ими, безъ опасенія предательства и измѣны, безъ опасенія свалиться въ какую-то пустоту, изъ которой выхода нѣтъ.

Но это можно будетъ сдѣлать только тогда, когда мы предварительно подробно и внимательно изслѣдуемъ два вопроса, которые на первый взглядъ не имѣютъ къ этому дѣлу никакого отношенія,

хотя на самомъ дѣлѣ только на ихъ почвѣ и понятна извращенность этихъ понятій.

Вопросы эти поставлены и рѣшены Данилевскимъ. Напомнимъ предварительно, что мысль рождается, растетъ и крѣпнетъ не въ пустой головѣ, отдѣленной отъ тѣла, что къ мозгу отъ сердца приливаетъ горячая кровь, что въ самой спокойной, повидимому, и холодной формулѣ консервируются инстинкты не застывающей ненависти или не засыпающей любви. Часто сердце является единственнымъ источникомъ таблицъ и теоремъ, искусно сдѣланныхъ услужливымъ, исполнительнымъ и рачительнымъ мозгомъ.

Ставимъ первый вопросъ.

Свои ли мы на западѣ, т. е. въ Европѣ? Любитъ ли насъ Европа? А если не любитъ, то за что именно не любитъ? И не переходитъ ли ея чувство въ несомнѣнную ненависть, не слѣпую отъ рожденія, но не желающую смотрѣть и видѣть ради возможности своего оправданія?

И не создается ли на этой почвѣ устойчивая въ главныхъ положеніяхъ, разработанная въ подробностяхъ, легко приспособляющаяся ко всякимъ новымъ историческимъ событіямъ система лжи, всегда догматической и бездоказательной, всегда голословной и убѣдительной только для тѣхъ, кто уже заранѣе, безъ доказательствъ и фактовъ, рѣшилъ вѣрить этой лжи, во что бы то ни стало, какъ бы ни было очевидны софизмы клеветы и обмана?

Въ одномъ опредѣленномъ направленіи, въ рядѣ вопросовъ, существенно важныхъ для каждаго мышленія,—уснула совѣсть, и умъ, покорный внушеніямъ вражды и ненависти, одинъ глазъ зажмурилъ, чтобы не видѣть правды. Онъ могъ бы видѣть, но онъ не хочетъ видѣть, потому что ему непріятно смотрѣть на то, что стоитъ у него передъ глазами. И, систематическій и послѣдовательный по самому своему строенію, онъ логически развиваетъ тотъ ложный принципъ, который подсказала ему ненависть, и создаетъ систему, не имѣющую ничего общаго съ дѣйствительностью, но по своему стройную и для слѣпыхъ и близорукихъ достаточно убѣдительную. Но научное и логическое достоинство этой системы, хитро задуманной и лукаво выполненной, развѣнчивается и въ корнѣ уничтожается тѣмъ, что „всепроникающій и всеобъемлющій принципъ", столь любезный метафизическому сердцу западныхъ систематиковъ и раціоналистовъ, вытекаетъ не изъ жажды истины, а изъ ненависти.

Поэтому, если и у насъ „на очи мудрыхъ ночь легла", если и наши доморощенные рабы запада усвоили технику и діалектику этой систематической, постоянной и неугомонной лжи, то не потому, что усвоили себѣ философію и культуру запада, но потому,

что усвоили себѣ ненависть запада къ русскому народу, къ духовнымъ началамъ его жизни и его исторіи.

VI.

„Новое Время“ недавно привело характерную выдержку изъ одной японской газеты.

„Мы увѣрены, что отнынѣ весь міръ воочію удостовѣрился въ справедливости той точки зрѣнія, которую мы уже давно отстаиваемъ. Настоящая война является войною звѣрскихъ, безчеловѣчныхъ и гнусныхъ дикарей противъ защитниковъ справедливости и основъ этики, чѣмъ держится общество просвѣщенныхъ народовъ. Въ настоящее время право борется съ насиліемъ, человѣчность съ варварствомъ, культурность передовой азіатской націи съ безсмысленною жестокостью озвѣрѣлыхъ московитовъ. Русскія военныя власти запятнали себя рядомъ поступковъ, запрещенныхъ международнымъ правомъ и противорѣчащихъ самой элементарной порядочности“.

Не хочется вѣрить глазамъ. И это написалъ, *посмѣлъ* написать японецъ! Да развѣ онъ рискнулъ бы бросить эту гнусную и смѣшную ложь, если бы его слова не были отзвукомъ европейскихъ рѣчей,—даже больше того, отголоскомъ „вѣрованій и убѣжденій“ нашей русской интеллигенціи, солидарной въ этомъ отношеніи съ западомъ?

Японцемъ это написано во время войны, въ пылу раздраженія и безсильнаго гнѣва. Европа это говоритъ всегда - въ дни войны и мира, открыто, ничѣмъ не стѣсняясь, пользуясь каждымъ случаемъ въ самой оскорбительной формѣ бросать эту дикую ложь.

Нельзя безъ гадливаго презрѣнія смотрѣть на тѣхъ русскихъ пошляковъ, которые въ холопской угодливости подхватываютъ и распространяютъ эти безстыдныя и безсмысленныя рѣчи въ полномъ убѣжденіи, что этотъ голосъ вражды, злобы и ненависти есть послѣднее слово науки.

Какой-то буйный вѣтеръ начисто вымелъ эти пустыя головы, не оставивъ тамъ ничего сознательнаго, правдиваго и честнаго. Какихъ знаній можно требовать отъ людей, которыхъ обуяла наслѣдственная лѣнь, которыя сами ничего не дѣлаютъ и только безсмысленно пережевываютъ чужую противную жвачку? По полной безсознательности и дикой безсмысленности это холопство передъ обидами и оскорбленіями враждебнаго намъ и только поэтому лгущаго запада — явленіе безконечно постыдное, заключающее въ себѣ что-то скотское, свойственное животнымъ, которымъ природа пригнула голову къ землѣ, чтобы подчинить ихъ только желудку.

Неужели русская школа никогда не возьмется за это дѣло и не сообщитъ ученикамъ тѣхъ историческихъ свѣдѣній, которыя разомъ сметаютъ эту старую паутину ядовитыхъ пауковъ, эту злобную ложь, не выдерживающую даже легкаго прикосновенія критической и сознательной мысли? Неужели еще ряды поколѣній будутъ безпомощно, по-идіотски повторять чужія оскорбительныя рѣчи и не дадутъ себѣ труда провѣрить ихъ своими личными изслѣдованіями? И они будутъ, какъ только что побитая собака, съ назойливымъ визгомъ льстиво и униженно лизать сапоги своего господина, готовые подставить свою, всегда гнущуюся и виляющую спину подъ новые удары палки? А для того, чтобы выйти изъ этого собачьяго положенія, нужно только побольше учиться и побольше думать. Источникъ этого унизительнаго рабства только лѣнь и наслѣдственная праздность.

Развѣ вѣковой опытъ не доказалъ уже того, что „Европа—не только нѣчто намъ чуждое, но даже враждебное, что ея интересы не только не могутъ быть нашими интересами, но въ большинствѣ случаевъ прямо имъ противоположны“?

Данилевскій приводитъ слова нѣмецкаго ученаго Роттека, который утверждалъ, что „всякое преуспѣяніе Россіи, всякое развитіе ея внутреннихъ силъ, увеличеніе ея благоденствія и могущества есть общественное бѣдствіе, несчастіе для всего человѣчества“.

Откуда же эта вражда и за что эта ненависть?

Западъ далъ отвѣтъ и на эти вопросы, но, скажемъ заранѣе, этотъ отвѣтъ—помимо того, что критики онъ не выдерживаетъ—не исчерпываетъ сущности дѣла и подъ покровомъ лжи скрываетъ совсѣмъ другое содержаніе.

Въ чемъ же варварство „озвѣрѣлыхъ московитовъ“? Въ чемъ грѣхъ Россіи и ея вина передъ Европою?

Обвиненій—два. 1. Россія—колоссальное, завоевательное государство, безпрестанно расширяющее свои предѣлы, угрожаетъ спокойствію и независимости Европы. 2. Россія представляетъ собою нѣчто въ родѣ политическаго Аримана, какую-то мрачную силу, враждебную прогрессу и свободѣ.

Разсмотримъ, насколько справедливы эти обвиненія, руководствуясь при этомъ главнымъ образомъ данными и выводами Н. Я. Данилевскаго.

VII.

Россія—завоевательна. Что же такое завоеваніе?

„Завоеваніе,—говоритъ Данилевскій,—есть политическое убійство или, по крайней мѣрѣ, политическое изувѣченіе; такъ какъ, впрочемъ, первое изъ этихъ выраженій употребляется въ иномъ смыслѣ, скажемъ лучше: національное, народное убійство или изувѣченіе. Хотя опредѣленіе это метафорическое, тѣмъ не менѣе оно вѣрно и ясно". „Всякая народность имѣетъ право на самостоятельное существованіе въ той именно мѣрѣ, въ какой сама его сознаетъ и имѣетъ на него притязаніе".

Бо́льшую часть пространства Россіи русскій народъ занялъ путемъ свободнаго разселенія, а не государственнаго завоеванія.

„На всемъ этомъ пространствѣ не было никакого сформированнаго политическаго тѣла, когда русскій народъ сталъ постепенно выходить изъ племенныхъ формъ быта и принимать государственный строй. Вся страна была пустыней, или заселена полудикими финскими племенами и кочевниками; слѣдовательно, ничто не препятствовало свободному разселенію русскаго народа, продолжавшемуся почти во все первое тысячелѣтіе его исторіи, при полномъ отсутствіи историческихъ націй, которыя надлежало бы разрушать и попирать ногами, чтобы занять ихъ мѣсто. Никогда занятіе народомъ предназначеннаго ему историческаго поприща не стоило меньше крови и слезъ. Онъ терпѣлъ много неправдъ и утѣсненій отъ татаръ и поляковъ, шведовъ и меченосцевъ. Но самъ никого не утѣснялъ, если не назовемъ утѣсненіемъ отраженія несправедливыхъ нападеній и притязаній. Воздвигнутое имъ государственное зданіе не основано на костяхъ попранныхъ народностей. Онъ или занималъ пустыни, или соединялъ съ собою путемъ исторической, нисколько не насильственной ассимиляціи такія племена, какъ чудь, весь, меря или какъ нынѣшніе зыряне, черемисы, мордва, не заключа́вшія въ себѣ ни зачатковъ исторической жизни, ни стремленія къ ней,—или, наконецъ, принималъ подъ свой кровъ и защиту такіе племена и народы, которые, будучи окружены врагами, уже потеряли свою національную самостоятельность или не могли долѣе сохранить ее, какъ армяне и грузины. Завоеваніе играло во всемъ этомъ самую ничтожную роль, какъ легко убѣдиться, прослѣдивъ, какимъ образомъ достались Россіи ея западныя и южныя окраины, слывущія въ Европѣ подъ именемъ завоеваній ненасытимо алчной Россіи.

„Такія племена, какъ, напримѣръ, баски въ Испаніи и Франціи, кельты княжества валисскаго и наши многочисленныя финскія, татарскія, самоѣдскія, остяцкія и другія племена,—предназначаются къ тому, чтобы сливаться постепенно и нечувствительно съ тою историческою народностью, среди которой они разсѣяны, ассимилироваться и служить къ увеличенію разнообразія ея историческихъ проявленій. Эти племена имѣютъ, безъ сомнѣнія, право на ту же степень личной гражданской и общественной свободы, какъ господствующая историческая народность, но не на политическую самостоятельность, ибо, не имѣя ея въ сознаніи, они и потребности въ ней не чувствуютъ и даже чувствовать ея не могутъ. Нельзя прекратить жизни того, что не жило; нельзя изувѣчить тѣла, не имѣющаго индивидуальнаго объединенія. Тутъ нѣтъ, слѣдовательно, ни убійства, ни національнаго увѣчья, а потому нѣтъ и завоеванія. Оно даже невозможно въ отношеніи къ такимъ племенамъ. Самый этимологическій смыслъ слова „завоеваніе" непримѣнимъ къ подчиненію такихъ племенъ, ибо они и сопротивленія не оказываютъ, если при этомъ не нарушаются ихъ личныя, имущественныя и другія гражданскія права. Когда эти права остаются неприкосновенными, имъ собственно и защищать болѣе нечего".

VII.

Это—заселеніе центра. Какъ же были „завоеваны" окраины?

Свой обзоръ Данилевскій начинаетъ съ Финляндіи. Напередъ отмѣтимъ одно любопытное явленіе. Ничего похожаго на панфинскую идею—не существуетъ. Какъ бы Финляндія отнеслась къ этой идеѣ, если бы она вдругъ появилась? Несомнѣнно враждебно, потому что она не могла бы мириться съ преобладаніемъ и господствомъ незначительнаго шведскаго меньшинства, захватившаго въ свои руки экономическія и культурныя силы страны. Съ финнами у насъ были, да и теперь есть, свои счеты и внѣ Финляндіи. Да и въ Финляндіи намъ приходилось и приходится бороться не съ финнами.

Въ отношеніяхъ Россіи къ Финляндіи западъ хочетъ видѣть какое-то политическое преступленіе Россіи. Но финское племя никогда не жило историческою жизнью.

„Коль скоро нѣтъ нарушенія народной самостоятельности, то политическія соображенія относительно географической округленности, стратегической безопасности границъ и т. п., сами по себѣ еще не могущія оправдать присоединеніе какой-либо страны, получаютъ свое законное примѣненіе". Изъ-за Финляндіи споръ шелъ съ Швеціей. „Россія побѣдила и пріобрѣла право на вознагражденіе денежное, земельное или другое, лишь бы оно не простиралось на часть самой Швеціи,—ибо національная территорія неотчуждаема и

никакіе договоры не могутъ освятить въ сознаніи народа такого отчужденія, пока отчужденная часть не потеряетъ своего національнаго характера“.

Для финскаго народа русское владычество выгоднѣе, чѣмъ шведское.

„Государство, столь могучее, какъ Россія, могло въ значительной мѣрѣ отказаться отъ извлеченія выгодъ изъ пріобрѣтенной страны; народность, столь могучая, какъ русская, могла, безъ вреда для себя, предоставить финской народности полную этнографическую самостоятельность. Русское государство и русская народность могли довольствоваться малымъ, имъ было достаточно имѣть въ сѣверо-западномъ углу своей территоріи нейтральную страну и доброжелательную народность вмѣсто непріятельскаго передового поста и господства враждебныхъ шведовъ. Государство и народность русскія могли обойтись безъ полнаго слiянія съ собою страны и народности финской, къ чему, конечно, по необходимости должна была стремиться слабая Швеція, въ отношеніи къ которой Финляндія составляла три четверти ея собственнаго пространства и половину ея населенія; и, дѣйствительно, только со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи начала пробуждаться финская народность и достигла, наконецъ, того, что за языкомъ ея могла быть признана равноправность со шведскимъ въ отношеніи университетскаго образованія, администраціи и даже преній на сеймѣ. Сдѣланное Россіей для финской національности будетъ, безъ сомнѣнія, оцѣнено безпристрастными людьми; въ враждебномъ лагерѣ, конечно, возбуждаетъ оно пока только негодованіе, доходящее иногда до смѣшного. Въ мою бытность въ Норвегіи меня серьезно увѣрялъ одинъ шведъ, что русское правительство, изъ вражды къ Швеціи, искусственно вызвало финскую національность и сочинило — съ этою именно цѣлью — эпическую поэму Калевалу. Удивительное правительство, которое, по отзывамъ поляковъ, указами создаетъ русскій языкъ и научаетъ ему своихъ монгольскихъ подданныхъ и, по отзывамъ шведовъ, сочиняетъ народные эпосы“.

IX.

Финляндія—край финновъ, а не шведовъ. Остзейскія провинціи—край эстовъ и латышей, а не нѣмцевъ. Но эти провинціи называются и считаются почему-то нѣмецкими.

„По названію можно подумать, что дѣло идетъ о завоеванныхъ и отторгнутыхъ русскими отъ Священной Римской имперіи, или отъ замѣнившаго ее Германскаго Союза, провинціяхъ Пруссіи и Помераніи, составляющихъ въ настоящее время единственныя дѣйствительно нѣмецкія провинціи на Балтійскомъ морѣ, а не о населенномъ эстами и латышами пространствѣ отъ Чудскаго озера и рѣки Наровы до прусской границы,—исконной принадлежности Россіи, гдѣ еще Ярославъ основалъ Юрьевъ, переименованный потомъ въ Дорпатъ, — о пространствѣ, на поселеніе въ которомъ первые рижскіе епископы считали нужнымъ испрашивать дозволеніе у полоцкихъ князей. Кто были завоевателями въ этой странѣ,—русскіе ли, т. е. славяне, которые въ союзѣ съ разными финскими племенами положили основаніе русскому государству и мирными путями вносили христіанство съ зачатками образованности въ эту прибалтійскую страну, точно такъ же, какъ и въ прочія части своей, составляющей одно физическое цѣлое, государственной области, — или незванные и непрошенные нѣмецкіе искатели приключеній, явившіеся сюда огнемъ и мечемъ распространять духовное владычество папъ, обращать туземцевъ въ рабство и присвоивать себѣ чужую собственность? Россія никогда не признавала этого вторженія пришельцевъ. Псковъ и Новгородъ, стоявшіе здѣсь на стражѣ земли русской въ тяжелую татарскую годину, не переставали протестовать противъ него съ оружіемъ въ рукахъ. Когда же Москва соединила въ себѣ Русь, она сочла своимъ первымъ долгомъ уничтожить рыцарское гнѣздо и возвратить Россіи ея достояніе. Первое удалось на первыхъ же порахъ, но сама страна перешла въ руки Польши и Швеціи, и борьба за нее соединилась съ борьбою за прочія области, отторгнутыя этими государствами отъ Россіи“.

„Но это только еще одна сторона дѣла; самое присоединеніе главной части Прибалтійскаго края совершилось даже не вопреки желанію пришлаго дворянства, а по его же просьбамъ и наущеніямъ, при стараніяхъ и помощи его представителя, героя Паткуля. Можно утверждать, что для самаго народа, коренного обладателя страны, эстовъ и латышей, Россія, уже хотя и сдѣлала кое-что, однако же далеко не все, что могли они отъ нея ожидать; но, конечно, не за это упрекаетъ ее Европа, не въ этомъ видитъ ту черту, по которой, въ ея глазахъ, присоединеніе Прибалтійскаго края имѣетъ ненавистный завоевательный характеръ. Совершенно напротивъ. Въ томъ немногомъ, что сдѣлано, — или, лучше сказать, въ томъ, чего она опасается со стороны Россіи, — для истиннаго освобожденія народа и страны, она и видитъ собственно русскую узурпацію, оскорбленіе германской и вообще европейской цивилизаціи“.

X.

Въ Финляндіи не финны, а шведы, въ Прибалтійскомъ краю не эсты и латыши, а нѣмцы, и въ такъ называемомъ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краю не исконное русское населеніе, а поляки, мечтавшіе и мечтающіе о Польшѣ отъ моря до моря, на которую они никакого историческаго права не имѣли и не имѣютъ,— какъ непризванные адвокаты, ратуютъ будто бы за интересы кореннаго населенія. Но это русскій край и Россія его никогда не завоевывала.

„Нельзя завоевать того, что наше безъ всякаго завоеванія, всегда такимъ было, всегда даже такимъ считалось всѣмъ русскимъ народомъ, пока въ высшихъ слояхъ не начали изсякать живой народный смыслъ и живое народное чувство, — пока, вслѣдствіе того, многіе изъ этихъ слоевъ не допустили отуманить свой умъ нелѣпыми гуманитарными бреднями, не имѣющими даже достоинства искренности и безпристрастія“.

„Но можетъ ли само царство польское назваться завоеваніемъ Россіи, такъ какъ, въ силу выше даннаго опредѣленія, тутъ было, повидимому, національное убійство? При постановкѣ этого вопроса на западѣ сказалась „та двойственность мѣры и фальшивость вѣсовъ, которымъ она отмѣриваетъ и отвѣшиваетъ Россіи и другимъ государствамъ“.

При сужденіи о раздѣлѣ Польши надо отличать возвращеніе Россіи истинно-русскихъ областей и присоединеніе несомнѣнно польскихъ земель.

„Раздѣлъ Польши считается во мнѣніи Европы величайшимъ преступленіемъ противъ народнаго права, совершеннымъ въ новѣйшія времена, — и вся тяжесть его взваливается на Россію. И это мнѣніе не газетныхъ крикуновъ, не толпы, а мнѣніе большинства передовыхъ людей Европы. Въ чемъ же, однако, вина Россіи?“

Западная половина Россіи при владычествѣ татаръ была отнята отъ Россіи Литвою и черезъ Литву отошла къ Польшѣ. Восточная Русь никогда не мирилась съ такимъ положеніемъ дѣлъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ войнъ, вплоть до Хмельницкаго и до присоединенія къ Россіи Малороссіи. „При Алексѣѣ Михайловичѣ Россія не имѣла еще счастья принадлежать къ политической системѣ европейскихъ государствъ, и потому у нея были развязаны руки, и она была единственнымъ судьею въ своихъ дѣлахъ. Въ то время произошелъ первый раздѣлъ Польши. Россія, никого не спрашиваясь, взяла изъ своего, что могла,—Малороссію по лѣвую сторону Днѣпра, Кіевъ и Смоленскъ,—взяла бы и больше, еслибы надежды на польскую корону не обманули царя и не заставили упустить благопріятное время. Раздѣлъ Польши, насколько въ немъ участвовала Россія, могъ бы совершиться уже тогда,—слишкомъ за сто лѣтъ ранѣе, чѣмъ онъ дѣйствительно совершился,—и, конечно, съ огромною для Россіи пользою, ибо тогда не бродили еще гуманитарныя идеи въ русскихъ головахъ, и край былъ бы закрѣпленъ за православіемъ и русскою народностью прежде, чѣмъ успѣли бы явиться на пагубу русскому дѣлу Чарторыйскіе съ ихъ многочисленными послѣдователями и сторонниками, процвѣтающими подъ разными образами и видами даже до сего дня.

„Какъ бы то ни было, дѣло не было окончено, а едва только начато при Алексѣѣ, и разъ упущенное благопріятное время возвратилось не ранѣе, какъ черезъ сто лѣтъ, при Екатеринѣ II. Но почему же то, что было законно въ половинѣ XVII в., становится незаконнымъ къ концу XVIII? Самый поводъ къ войнѣ при Алексѣѣ одинаковъ,—все то же угнетеніе православнаго населенія, взывавшаго о помощи къ родной Россіи. И если справедливо было возвратить Смоленскъ и Кіевъ, то почему же было несправедливо возвратить не только Вильну, Подолію, Полоцкъ, Минскъ, но даже Галичъ, который, къ несчастью, вовсе не былъ возвращенъ? А вѣдь въ этомъ единственно и состоялъ раздѣлъ Польши, насколько въ немъ участвовала Россія. Форма была, правда, иная. Въ эти сто лѣтъ Россія имѣла счастіе вступить въ политическую систему европейскихъ государствъ и руки ея были связаны. Свое ли, не свое ли родовое достояніе ты возвращаешь, какъ бы говорили ей сосѣди, намъ все равно: только ты усиливаешься и намъ надобно усилиться на столько же“.

Мысль о раздѣлѣ Польши принадлежала, какъ извѣстно, Фридриху. Россіи не было выгоды уничтожать Польшу въ ея законныхъ предѣлахъ. Самостоятельная Польша только у Россіи нашла бы оборону противъ нѣмцевъ и Пруссіи, зарившихся на исконныя польскія земли. При Александрѣ I, „еслибы Россія, освободивъ Европу, предоставила отчасти возстановленную Наполеономъ Польшу ея прежней участи, т. е. раздѣлу между Австріей и Пруссіей, а въ вознагражденіе своихъ неоцѣнимыхъ, хотя и плохо оцѣненныхъ заслугъ, потребовала для себя восточной Галиціи, частью которой,— Тарнопольскимъ округомъ,—въ то время уже владѣла, то осталась бы на той почвѣ, на которой стояла при Екатеринѣ, и никто ни въ чемъ не могъ бы ее упрекнуть. Россія получила бы значительно меньше по пространству, немногимъ меньше по народонаселенію, но зато сколькимъ больше по внутреннему достоинству пріобрѣтеннаго, такъ какъ она увеличивала бы число своихъ подданныхъ не враждебнымъ польскимъ элементомъ, а настоящимъ русскимъ народомъ“.

При Екатеринѣ, разъ идея раздѣла возникла, приходилось считаться не съ исторически законными нормами, а съ аппетитами сосѣдей и рисковать войной изъ-за разногласія съ союзниками.

„Не очевидно ли, что все, что было несправедливаго въ раздѣлѣ Польши,—такъ сказать, убійство польской національности,—лежитъ на совѣсти Пруссіи и Австріи, а вовсе не Россіи, удовольствовавшейся своимъ достояніемъ, возвращеніе котораго составляло не только ея право, но и священнѣйшую обязанность. Или найдутся, быть можетъ, гуманитарныя головы, которыя скажутъ, что великодушіе требовало отъ Россіи скорѣе отказаться отъ принадлежащаго ей по праву, чѣмъ согласиться на уничтоженіе самой Польши? Вѣдь это все, чѣмъ можно упрекнуть Россію, ставъ на самую донъ-кихотскую точку зрѣнія. Такой образъ дѣйствій былъ бы, пожалуй, возможенъ, еслибы Польша иначе поступала съ своими русскими и православными подданными; въ данныхъ же обстоятельствахъ это было бы смѣшнымъ и жалкимъ великодушничаньемъ на чужой счетъ“.

„Требованіе нравственнаго образа дѣйствій есть не что иное, какъ требованіе самопожертвованія. Самопожертвованіе есть высшій нравственный законъ. Собственно говоря, это тожественныя понятія. Но единственное основаніе для самопожертвованія есть безсмертіе, вѣчность внутренней сущности человѣка, ибо для того, чтобы строгій законъ нравственности или самопожертвованія не былъ нелѣпостью, заключающею въ себѣ внутреннее противорѣчіе, надо, чтобы онъ вытекалъ изъ внутренней природы того, кто долженъ на его основаніи дѣйствовать, — точно такъ же, какъ во всѣхъ природныхъ или, что то же самое, божественныхъ законахъ. Но если для человѣка все оканчивается здѣшнею жизнью, то, безъ сомнѣнія, и законы его дѣятельности не могутъ ни откуда иначе почерпаться, какъ изъ требованій этой же жизни,—изъ того, что составляетъ ея сущность, т. е. изъ требованій временнаго спокойствія, счастія, благоденствія, въ которыхъ каждое существо находитъ конечную и даже единственно вообразимую цѣль своего бытія. Только въ томъ случаѣ, если не въ этомъ заключается внутренняя потребность нашей сущности, духа, какъ мы его называемъ, — можетъ быть выставляемо и иное начало для его дѣятельности, начало нравственности, любви и самопожертвованія.

„Но государство и народъ суть явленія преходящія, существующія только во времени и, слѣдовательно, только на требованіяхъ этого ихъ временнаго существованія могутъ основываться законы ихъ дѣятельности, т. е. политики. Этимъ не оправдывается маккіавелизмъ, а утверждается только, что всякому свое, что для всякаго разряда существъ и явленій есть свой законъ. Око за око, зубъ за зубъ, — строгое право, бентамовскій принципъ утилитаризма, т. е. здороваго понятія пользы,—вотъ законъ внѣшней политики, законъ отношеній государства къ государству. Тутъ нѣтъ мѣста закону любви и самопожертвованія. Не къ мѣсту примѣненный, этотъ высшій нравственный законъ принимаетъ видъ мистицизма и сантиментальности, какъ мы видѣли тому примѣръ въ блаженной памяти Священномъ Союзѣ. Замѣтимъ кстати, что начало здраво понятой пользы, очевидно недостаточное и негодное, какъ основаніе нравственности, должно дать гораздо лучшіе результаты, какъ принципъ политическій, — по той простой причинѣ, что онъ примѣняется здѣсь къ своему настоящему мѣсту. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе долговѣчной жизни государства есть большое вѣроятіе, что угроза, служащая основою утилитарнаго начала, т. е. его санкція, заключающаяся въ словахъ: „ею же мѣрою мѣрите, возмѣрится вамъ“, — успѣетъ возымѣть свое дѣйствіе; тогда какъ въ кратковременную жизнь человѣка, каждый, имѣющій достаточно средствъ, власти, хитрости,— можетъ весьма основательно надѣяться, что ему удастся избѣжать послѣдствій, выраженныхъ въ приведенныхъ словахъ“.

XI.

Присоединеніе Бессарабіи особенныхъ толковъ не вызывало.

„Здѣсь христіанское православное населеніе было исторгнуто изъ рукъ угнетающихъ его дикихъ и грубыхъ завоевателей, турокъ, — населеніе, которое торжествовало это событіе, какъ избавленіе отъ плѣна. Если то было завоеваніе, то и Киръ, освободивъ іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго, былъ ихъ завоевателемъ“.

„Всѣ южнорусскія степи также были вырваны изъ рукъ турокъ. Степи эти принадлежатъ къ русской равнинѣ. Споконъ вѣка, еще со временъ Святослава, боролись за нихъ съ ордами кочевниковъ сначала русскіе князья, потомъ русскія казацкія общины и русскіе цари. Зачѣмъ же и съ какого права занесло сюда турецкую власть, покровительствовавшую хищническимъ набѣгамъ? То же надо сказать и о Крымскомъ полуостровѣ, хотя не принадлежавшемъ изстари къ Россіи, но послужившемъ убѣжищемъ не только ея непримиримымъ врагамъ, но врагамъ всякой гражданственности, которые дѣлали изъ него набѣги при всякомъ удобномъ случаѣ, пожигали огнемъ и посѣкали мечомъ южныя русскія области до самой Москвы. Можно, пожалуй, согласиться, что здѣсь было завоевано государство, лишена своей самостоятельности народность,—но какое государство и какая народность? Если я назвалъ всякое вообще завоеваніе національнымъ убійствомъ, то въ этомъ случаѣ было такое убійство, которое допускается и божескими, и человѣческими законами,—убійство, со-

вершенное въ состояніи необходимой обороны и вмѣстѣ въ видѣ справедливой казни“.

Много ли завоевательности сказалось въ „замиреніи“ Кавказа?

О христіанскихъ закавказскихъ областяхъ говорить нечего: онѣ были присоединены къ Россіи по ихъ же просьбѣ и ихъ оборона стоила Россіи не дешево. Дѣйствительно и по настоящему были завоеваны и присоединены къ Россіи магометанскія закавказскія области,—ханства кубанское, бакинское, ширванское, текинское, ганджинское и талытенское, составляющіе теперь столько же уѣздовъ, и эриванская область. Но въ Европѣ кричали не столько объ этихъ ханствахъ, сколько о кавказскихъ горцахъ.

„Здѣсь тоже много погибло, если не независимыхъ государствъ, то независимыхъ племенъ. Послѣ раздѣла Польши едва-ли какое другое дѣйствіе Россіи возбуждало въ Европѣ такое всеобщее негодованіе и сожалѣніе, какъ война съ кавказскими горцами и, особенно, недавно совершившееся покореніе Кавказа. Сколько ни стараются наши публицисты выставить это дѣло, какъ великую побѣду, одержанную общечеловѣческою цивилизаціею,— ничто не помогаетъ. Не любитъ Европа, чтобы Россія бралась за это дѣло. Ну, на Сыръ-Дарьѣ, въ Коканѣ, въ Самаркандѣ, у дико-каменныхъ киргизовъ — еще куда ни шло, можно съ грѣхомъ пополамъ допустить такое цивилизаторство,—все же въ родѣ шпанской мушки оттягиваетъ, хотя, къ сожалѣнію, въ недостаточномъ количествѣ, силы Россіи. А то у насъ подъ бокомъ, на Кавказѣ; мы бы и сами здѣсь поцивилизировали. Что кавказскіе горцы—и по своей фанатической религіи, и по образу жизни, и по привычкамъ, и по самому свойству обитаемой ими страны — природные хищники и грабители, никогда не оставлявшіе и не могущіе оставлять сосѣдей въ покоѣ, все это не принимается въ разсчетъ. Рыцари безъ страха и упрека, паладины свободы — да и только. Въ Шотландскихъ горахъ, съ небольшимъ лѣтъ сто тому назадъ, жили нѣсколько десятковъ, а, можетъ быть, и сотенъ тысячъ такихъ же рыцарей свободы; тѣ были христіане, и пообразованнѣе, и нравомъ посмирнѣе, — да и горы, въ которыхъ они жили, не кавказскимъ чета, — однако же Англія нашла, что нельзя терпѣть ихъ гайлендерскихъ привычекъ, и при удобномъ случаѣ разогнала ихъ на всѣ четыре стороны. А Россія, подъ страхомъ клейма гонительницы и угнетательницы свободы, терпи слишкомъ милліонъ такихъ рыцарей, засѣвшихъ въ неизслѣдимыхъ трущобахъ Кавказа, препятствующихъ на цѣлыя сотни верстъ кругомъ всякой мирной осѣдлости; и,— въ ожиданіи, пока они не присоединятся къ первымъ врагамъ, которымъ вздумается напасть на нее съ этой стороны, — держи, не предвидя конца, двухсотъ-тысячную

армію подъ ружьемъ, чтобы сторожить всѣ входы и выходы изъ этихъ разбойничьихъ вертеповъ. И по этому кавказскому (какъ и по польскому, какъ и по восточному, какъ и по всякому) вопросу можно судить о доброжелательности Европы къ Россіи“.

„О Сибири и говорить нечего. Какое тутъ, въ самомъ дѣлѣ, завоеваніе? Гдѣ тутъ завоеванные народы и покоренныя царства? Стоитъ лишь счесть, сколько въ Сибири русскихъ и сколько инородцевъ, чтобы убѣдиться, что большею частью это было занятіе пустопорожняго мѣста, совершенное (какъ показываетъ исторія) казацкою удалью и разселеніемъ русскаго народа, почти безъ содѣйствія государства. Развѣ еще къ числу русскихъ завоеваній причислимъ Амурскій край, никѣмъ не завоеванный, куда всякое переселеніе было даже запрещено китайскимъ правительствомъ, неизвѣстно почему и для чего считавшимъ его своею собственностью?

„Итакъ, въ завоеваніяхъ Россіи все, что можно при разныхъ натяжкахъ назвать этимъ именемъ, ограничивается Туркестанскою областью, кавказскимъ горнымъ хребтомъ, пятью, шестью уѣздами Закавказья и, если угодно, еще Крымскимъ полуостровомъ. Если же разбирать дѣло по совѣсти и чистой справедливости, то ни одно изъ владѣній Россіи нельзя назвать завоеваніемъ—въ дурномъ антинаціональномъ и потому ненавистномъ для человѣчества смыслѣ. Много ли государствъ, которыя могутъ сказать про себя то же самое? Англія у себя подъ бокомъ завоевала кельтское государство,—и какъ завоевала!—Отняла у народа право собственности на его родную землю, голодомъ заставила его выселяться въ Америку, а на разстояніи чуть не полуокружности земли покорила царства и народы Индіи въ числѣ двухсотъ милліоновъ душъ, отняла Гибралтаръ у Испаніи, Канаду у Франціи, мысъ Доброй Надежды у Голландіи и т. д. Земель пустопорожнихъ или заселенныхъ дикими, неисторическими племенами, въ количествѣ безъ малаго 300,000 квадратныхъ миль, я не считаю завоеваніями. Франція отняла у Германіи Эльзасъ, Лотарингію, Франшъ-Конте, у Италіи Корсику и Ниццу; за моремъ покорила Алжиръ. А сколько было у нея завоевано и опять отъ нея отнято! Пруссія округлила и соединила свои разбросанные члены на счетъ Польши, на которую не имѣла никакого права. Австрія мало или даже почти ничего не отняла мечемъ, но самое ея существованіе есть уже преступленіе противу права народностей. Испанія въ былыя времена владѣла Нидерландами, большею частью Италіи, покорила и уничтожила цѣлыя цивилизаціи въ Америкѣ“.

XII.

Русскимъ войскамъ приходилось сражаться и на европейскихъ поляхъ. Ради чего велись эти войны? Ради завоеваній? Стремилась ли Россія отторгнуть ту или другую область у того или другого европейскаго народа?

До Петра всѣ войны велись Россіей только за собственное существованіе, за то, что въ несчастныя времена исторіи было отторгнуто ея сосѣдями.

Въ первый разъ вооруженное вмѣшательство въ дѣла Европы было сдѣлано при Елизаветѣ, въ войнѣ съ Пруссіей. „Достаточнаго резона къ участью въ семилѣтней войнѣ, конечно, не было. Злословіе Фридриха оскорбило Елизавету, его поступки, справедливо или нѣтъ, считались всею Европою наглыми нарушеніями какъ международнаго права вообще, такъ и законовъ священной германско-римской имперіи въ частности. Если тутъ была вина, то ее раздѣляла Россія со всею Европой; такъ или нѣтъ, но это было явленіе случайное, не лежавшее въ общемъ направленіи русской политики“.

При Екатеринѣ Россія не вмѣшивалась въ европейскія дѣла. Европейскія войны снова начались при Павлѣ. „Война 1799 г., въ чисто-военномъ отношеніи едва ли не славнѣйшая изо всѣхъ, веденныхъ Россіею, была актомъ возвышеннѣйшаго политическаго великодушія, рыцарства въ истинно-мальтійскомъ духѣ. Была ли она актомъ такого же политическаго благоразумія,—это иной вопросъ. Для Россіи, впрочемъ, эта война имѣла значительный нравственный результатъ: она показала, къ чему способны русскіе въ военномъ дѣлѣ. Такой же характеръ имѣли войны 1805 и 1807 года“. Вся Европа поднялась противъ Наполеона и Россія стала за Европу. „Интересы Европы, особливо интересы Германіи такъ близко лежали къ ея сердцу, что оно билось только для нихъ. Что усилія, сдѣланныя Россіей въ 1813 и въ 1814 году, были сдѣланы въ пользу Европы,—въ этомъ согласны даже и теперь безпристрастные люди, къ какому бы политическому лагерю ни принадлежали. Но что самый двѣнадцатый годъ былъ борьбою, предпринятой Россіей изъ-за интересовъ Европы,—это едва ли многими сознается“.

Въ союзѣ съ Наполеономъ Россія могла бы, если бы этого хотѣла, пріобрѣсти многое и Наполеонъ мечталъ объ этомъ союзѣ. „Всего проще и разсудительнѣе,—говорилъ онъ даже въ 1813 году,—было бы сойтись съ императоромъ Александромъ. Я всегда считалъ Польшу средствомъ, а не главнымъ дѣломъ. Удовлетворяя Россію на счетъ Польши, мы имѣемъ средство унизить Австрію, обратить ее въ ничто“.

„Двѣнадцатый годъ былъ собственно великою политическою ошибкою, обращенною духомъ русскаго народа въ великое народное торжество“.

„Что не какіе-нибудь свои собственные интересы имѣла Россія въ виду, рѣшаясь на борьбу съ Наполеономъ, видно уже изъ того, что, окончивъ съ безпримѣрной славой первый актъ этой борьбы, она не остановилась,—не воспользовалась представлявшимся ей случаемъ достигнуть всего, чего только могла пожелать для себя, заключивъ съ Наполеономъ миръ и союзъ, какъ онъ этого всѣми мѣрами домогался и какъ желалъ этого Кутузовъ и многіе замѣчательные люди той эпохи. Что мѣшало Александру повторить Тильзитъ, съ тою лишь разницею, что въ этотъ разъ онъ игралъ бы первостепенную и почетнѣйшую роль? Даже для Пруссіи, которая уже скомпрометировала себя предъ Наполеономъ, императоръ Александръ могъ выговорить все, чего требовала бы, по его мнѣнію, честь“.

Много разъ Россія могла воспользоваться замѣшательствомъ европейскихъ дѣлъ, чтобы пріобрѣсти себѣ все, чего ей бы хотѣлось, но ни разу этими случаями не пользовалась.

„Черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ Парижскаго мира пришлось Россіи вести войну съ Турціей. Русскія войска перешли Балканы и стояли у воротъ Константинополя. Съ Франціей Россія была въ дружбѣ, у Австріи не было ни войскъ, ни денегъ. Англія, хотя бы и хотѣла, ничего не могла сдѣлать,—тогда еще не было военныхъ пароходовъ; прусское правительство было связано тѣсной дружбой съ Россіей. Европа могла только поручить Турцію великодушію Россіи. Взяла ли тогда Россія что-нибудь для себя? А одного слова ея было достаточно, чтобы присоединить къ себѣ Молдавію и Валахію. Даже и слова было не надо. Турція сама предлагала Россіи княжество вмѣсто недоплаченнаго еще долга. Николай отказался отъ того и отъ другого.

„Насталъ 1848 годъ. Потрясенія, бывшія въ эту пору въ цѣлой Европѣ, развязывали руки каждому завоевателю и честолюбцу. Какъ же воспользовалась Россія этимъ единственнымъ положеніемъ? Она спасла отъ гибели сосѣда, того именно сосѣда, который всего болѣе долженъ былъ противиться ея честолюбивымъ видамъ на Турцію, еслибы у нея таковые были. Этого мало. Тогда можно было соединить великодушіе съ честолюбіемъ. Послѣ венгерской кампаніи былъ достаточный предлогъ для войны съ Турціей; русскія войска занимали Валахію и Молдавію, турецкіе славяне поднялись бы по первому слову Россіи. Воспользовалась ли всѣмъ этимъ Россія? Наконецъ, въ самомъ 1853 году, если бы Россія высказала свои требованія съ тою рѣзкостью и неуступчивостью, примѣръ которымъ въ томъ же году давало ей посольство графа Лейнингена и, въ случаѣ

малѣйшей задержки удовлетворенія, двинула войска и флотъ, когда ни Турція, ни западныя державы нисколько не были приготовлены,— чего не могла бы она достигнуть?

„Итакъ, составъ русскаго государства, войны, которыя оно вело, цѣли, которыя преслѣдовало, и еще болѣе,—благопріятныя обстоятельства, столько разъ повторявшіяся, которыми оно не думало воспользоваться, — все показываетъ, что Россія не честолюбивая, не завоевательная держава, что въ новѣйшій періодъ своей исторіи она большею частью жертвовала своими очевиднѣйшими выгодами, самыми справедливыми и законными, европейскимъ интересамъ, — часто даже считала своею обязанностью дѣйствовать не какъ самобытный организмъ (имѣющій свое самостоятельное назначеніе, находящій въ себѣ самомъ достаточно оправданія всѣмъ своимъ стремленіямъ и дѣйствіямъ), а какъ служебная сила? Откуда же и за что же, спрашиваю, недовѣріе, несправедливость, ненависть къ Россіи со стороны правительствъ и общественнаго мнѣнія Европы?"

XIII.

Сообщаются ли эти факты ученикамъ средней русской школы,— и при томъ не въ томъ лживомъ освѣщеніи, подъ которое ставитъ ихъ ненависть враждебнаго запада, а такъ ихъ представляетъ простая честность и безпристрастіе серьезнаго изслѣдованія? Достаточно ли подготовлены наши образованные и полуобразованные люди къ отвѣту на эти вопросы, въ которыхъ столько лжи и соблазна? Почему наша школа на урокахъ исторіи боится правды, то не договариваетъ, то льстиво и предательски поддерживаетъ въ угоду западу лживыя теоріи, омрачающія молодую совѣсть и молодое сознаніе?

Въ школѣ объ этихъ вопросахъ говорятъ вскользь и мимоходомъ, если только успѣваютъ довести курсъ до новѣйшаго времени. Удивительно ли, что безпомощный и совершенно невооруженный знаніями умъ сразу же отдается въ плѣнъ соблазнительной и предательской рѣчи, закутанной въ модныя тряпки какого-то либерализма? Его шаткая мысль, его смущенная совѣсть не могутъ справиться съ этимъ многоструйнымъ потокомъ безпрерывной и освященной десятилѣтіями лжи и онъ, застигнутый врасплохъ, теряетъ подъ ногами всякую почву и отдается всякому новому вѣянію.

Съ почвы строго провѣренныхъ фактовъ и трезвой логики онъ сходитъ въ область исторической мечтательности, теряетъ зоркость и правильность взгляда, повторяетъ только чужія рѣчи и послѣдовательно опускается до того безумія, которое убило самую возможность мышленія въ значительной части наличной русской интеллигенціи. Для мышленія нужны основы, устои, что-нибудь прочное, ибо въ противномъ случаѣ процессъ и направленіе мышленія получаютъ характеръ случайной игры, капризнаго произвола и отвлеченной мечтательности.

На этой почвѣ слагаются теоріи и доктрины, въ которыхъ нѣтъ ни теоретической стройности, ни жизненной правды. Такъ, конечно, и должно быть. Разъ молодому, малознающему, неопытному въ мышленіи человѣку говорятъ, что исторія его государства полна насилія и произвола, въ его мышленіи и совѣсти не остается уже ничего, за что могла бы уцѣпиться его мысль, на чемъ бы онъ могъ обосновать свое міросозерцаніе, что дало бы внутреннее оправданіе всей его дѣятельности. Если бы русская школа когда-нибудь осмѣлилась стать дѣйствительно русскою, молодежь не была бы въ постыдномъ плѣну у двоящихся словъ, у скользкихъ понятій и явно несостоятельныхъ мнѣній, порожденныхъ соперничествомъ и ненавистью.

Еще беззащитнѣе наша плохоученая молодежь передъ другою лживою сказкою запада, — передъ тою ложью, что Россія врагъ всякой свободы и развитія, что въ дѣлахъ внѣшней политики она всегда стояла за общественный застой и обскурантизмъ.

„И это опять-таки основано на такомъ же пескѣ, какъ честолюбіе и завоевательность Россіи. Какова бы ни была форма правленія въ Россіи, каковы бы ни были недостатки русской администраціи, русскаго судопроизводства, русской фискальной системы и т. д.,—до всего этого, я полагаю, никому дѣла нѣтъ, пока она не стремится навязать всего этого другимъ. Если же это очень дурно, тѣмъ хуже для нея и тѣмъ лучше для ея враговъ и недоброжелателей. Различіе въ политическихъ принципахъ еще не можетъ служить препятствіемъ къ дружбѣ правительствъ и народовъ. Не была ли Англія постояннымъ другомъ Австріи, не смотря на конституціонализмъ одной и абсолютизмъ другой? Не пользуется ли русское правительство и русскій народъ симпатіями Америки и наоборотъ? Только вредное вмѣшательство во внутреннюю политику иностранныхъ государствъ,—давленіе, которымъ она препятствовала бы развитію свободы въ Европѣ, могутъ подлежать ея справедливой критикѣ и возбуждать ея негодованіе".

На этой мысли надо остановиться. Здѣсь Данилевскій говоритъ о формѣ правленія только съ международной точки зрѣнія. Вполнѣ понятно, что люди запада, полюбившіе конституціонный строй, дорожатъ имъ и сверху внизъ относятся ко всякому другому государственному устройству, но,—Данилевскій вполнѣ правъ, — это дѣло домашнее и не можетъ мѣшать дружбѣ и пріязни народовъ. Но совсѣмъ въ другомъ положеніи оказываются наши доморощенные за-

падники. И они алчутъ конституціи. До сихъ поръ они не сдѣлали даже попытки доказать, что эта форма государственной жизни вполнѣ примѣнима къ формамъ и сущности русской народной жизни, что она могла бы найти опору въ уже существующихъ, готовыхъ учрежденіяхъ и обычаяхъ народнаго быта, что она могла бы содѣйствовать лучшему осуществленію историческихъ и политическихъ задачъ Россіи. Но они крѣпко стоятъ за конституцію, потому что конституція существуетъ на западѣ, по старому рабскому убѣжденію— что на западѣ, то хорошо.

Пусть будетъ такъ. И еще большой бѣды не было бы, если бы это была одна мысль въ ряду многихъ другихъ. Но бѣда въ томъ, что это единственная мысль, внѣ которой ничего другого не существуетъ. Въ ней вся мораль, вся философія, вся совѣсть, все мышленіе нашихъ западниковъ. Внѣ ея—пустота и мракъ. Типичный представитель узкаго и ограниченнаго западничества, г. Милюковъ, въ своихъ „Очеркахъ по исторіи русской культуры“ съ бѣшенствомъ и злобою осудилъ всю исторію московской Руси только за то, что она не хотѣла входить въ систему европейскихъ государствъ и безъ особаго уваженія относилась къ государямъ-урядникамъ, т. е къ государямъ конституціоннымъ.

А вѣдь сама по себѣ эта мысль — одна и внѣ связи съ другими – бѣдна содержаніемъ. И философскаго въ ней собственно ничего нѣтъ. Не говоримъ уже о томъ, что она безжизненна и безпочвенна, занесена съ чужой стороны и никакихъ корней въ народной и исторической жизни не имѣетъ. Будь иначе, намѣтились бы живыя народныя силы—не книжнаго и не бумажнаго происхожденія,—которыя дали бы подобіе жизни этому сну. У нашихъ западниковъ это кабинетная мечта, красивая и нарядная только въ кабинетѣ. Одинокіе мечтатели хотятъ сдѣлать довольно рискованный опытъ надъ жизнью въ легкомысленномъ убѣжденіи что ихъ выкладки и разсчеты вѣрны. А если они ошибочны?

Теперь представьте себѣ, что эта единственная мысль, по содержанію очень скудная, истощила мышленіе нѣсколькихъ поколѣній лишнихъ, т. е. интеллигентныхъ людей. Какъ долженъ быть узокъ ихъ кругозоръ, какъ бѣдна и безсильна мысль, какъ мало въ ней разумности и сознательности! Безъ критики, безъ раздумья, въ кредитъ и на вѣру принимаютъ эти пустыя головы всякую сплетню запада, всякій лукавый намекъ, всякую злобную, даже глупую и нелѣпую выдумку Карѣевы и Трачевскіе подбираютъ эти сплетни въ сорныхъ кучахъ западныхъ заднихъ дворовъ и выдаютъ ихъ за послѣднее слово науки.

Но когда же Россія становилась на дорогѣ европейской свободы? Екатерина для своего времени—по нынѣшней терминологіи—принадлежала къ числу очень „передовыхъ умовъ“. Правда, подъ конецъ жизни она была противъ французской революціи, какъ и ея преемникъ, который вмѣшался въ это дѣло уже активно.

„Но если французская революція должна считаться свѣтильникомъ свободы, то гасить и заливать этотъ свѣтильникъ спѣшила вся Европа, и впереди всѣхъ—конституціонная и свободная Англія. Участіе Россіи въ этомъ общемъ дѣлѣ было кратковременно и незначительно. Побѣдамъ Суворова, впрочемъ, рукоплескала тогда вся Европа. Войны противъ Наполеона не были, конечно, да и не считались войнами противъ свободы. Эти войны окончились—и, если побѣжденная Франція тогда же получила свободную форму правленія, то была обязана этимъ единственно императору Александру. Во время войны за независимость многія государства обѣщали своимъ подданнымъ конституцію, и никто не сдержалъ своихъ обѣщаній, кромѣ опять таки императора Александра относительно Польши“.

Но подозрительность и злоба запада противъ Россіи идетъ собственно отъ дней весьма печальной памяти Священнаго Союза. Все хорошее, все свободное и чистое въ его замыслѣ принадлежало Александру, все грубое, деспотическое и реакціонное въ исполненіи—дѣло хитраго и ловкаго Меттерниха, который въ то время водилъ за носъ всю Европу.

„Россія была также жертвою меттерниховой политики. Почему же на нее, а не на Австрію, которая всему была виновницей и въ пользу которой все это дѣлалось,—взваливается вся тяжесть вины? Сама Англія не подчинилась ли тогда меттерниховой политикѣ? Развѣ русскія войска усмиряли въ Неаполѣ и Испаніи, и развѣ эти возстанія и введенный ими на короткое время порядокъ вещей были такими свѣтлыми явленіями, что стоитъ объ нихъ жалѣть? Русскія ли наущенія были причиною всѣхъ утѣсненій, которыя терпѣла нѣмецкая печать, нѣмецкіе университеты и вообще стремленія нѣмецкаго юношества? Не сами ли германскія правительства и во главѣ ихъ Австрія должны почитаться виновниками всѣхъ этихъ мѣръ? Не для нихъ ли исключительно онѣ были полезны? Или, можетъ быть, всѣ эти либеральныя стремленія имѣли такую силу, что безъ надежды на поддержку Россіи, германскія правительства не дерзнули бы имъ противостоять? Но развѣ она помѣшала имъ осуществиться тамъ, гдѣ они имѣли какое-нибудь дѣйствительное значеніе,—помѣшала Франціи или даже маленькой Бельгіи дать себѣ такую форму правленія, которой онѣ сами хотѣли? Помѣшала ли Россія чему-нибудь даже въ самой Германіи въ 1848 году, да и въ 1870? Не собственное ли безсиліе хотятъ оправдать, взваливая неудачу на давленіе, оказываемое будто бы мрачнымъ абсолютизмомъ сѣвера?“

„Если ужъ гнѣваться за взаимные совѣты и за вліяніе, оказываемое правительствомъ на правительство, то, конечно, Россія имѣла бы столько же (если не болѣе) права негодовать на Австрію, да и на другіе нѣмецкіе дворы, какъ и Германія на Россію. Не вліянію ли Меттерниха приписывается перемѣна образа мыслей, происшедшая въ императорѣ Александрѣ послѣ 1822 года? Не это ли вліяніе было причиной немилости Каподистріи, враждебнаго отношенія, принятаго относительно Греціи и вообще относительно національной политики? Наконецъ, не это ли вліяніе было причиною самой перемѣны въ направленіи общественнаго образованія во время Шишкова и Магницкаго? А послѣ не въ угоду ли Австріи считалась всякая нравственная помощь славянамъ чуть ли не за русское государственное преступленіе? Пусть европейское общественное мнѣніе, если оно хочетъ быть справедливымъ, отнесетъ будто бы оказанное Россіею на германскія дѣла вредное вліяніе къ его настоящему источнику, т. е. къ германскимъ же правительствамъ и особенно австрійскому“.

Дѣло не въ свободѣ, не въ либерализмѣ и вовсе не въ реформахъ. Освобожденіе коренного финскаго населенія отъ шведскаго владычества, эстовъ и латышей отъ нѣмецкаго, польскихъ хлоповъ отъ польскихъ пановъ, — дѣла справедливости и человѣчности, — Европа по достоинству оцѣнить не пожелала.

„Вотъ уже слишкомъ тринадцать лѣтъ (писано въ 1874 г.), какъ русское правительство совершенно перемѣнило свою систему, совершило актъ такого высокаго либерализма, что даже совѣстно примѣнять къ нему это опошленное слово. Русское дворянство выказало безкорыстіе и великодушіе, а массы русскаго народа—умѣренность и незлобіе безпримѣрныя. Съ тѣхъ поръ правительство продолжало дѣйствовать все въ томъ же духѣ. Одна либеральная реформа слѣдовала за другою. На заграничныя дѣла оно не оказываетъ никакого давленія. Этого мало, — оно употребляетъ свое вліяніе въ пользу всего либеральнаго. И правительство, и общественное мнѣніе сочувствовали дѣлу Сѣверныхъ Штатовъ искреннѣе, чѣмъ большая часть Европы. Россія изъ первыхъ признала Итальянское королевство и даже, какъ говорятъ, своимъ вліяніемъ помѣшала Германіи помогать неправому дѣлу. И что же, — перемѣнилась ли Европа хоть на волосъ въ отношеніи къ Россіи?—Да, она очень сочувствовала крестьянскому дѣлу, пока надѣялась, что оно ввергнетъ Россію въ нескончаемыя смуты,— точно такъ же, какъ Англія сочувствовала освобожденію американскихъ негровъ. Мы много видѣли съ ея стороны любви и доброжелательства по случаю польскихъ дѣлъ. Вѣшатели, кинжальщики и поджигатели становятся героями, коль скоро ихъ гнусные поступки обращены противъ Россіи. Защитники національностей умолкаютъ, коль скоро дѣло идетъ о защитѣ русской народности, до нельзя угнетаемой въ западныхъ губерніяхъ, — такъ же точно, какъ въ дѣлѣ босняковъ, болгаръ, сербовъ или черногорцевъ[1]). Великодушнѣйшій и вмѣстѣ дѣйствительнѣйшій способъ умиротворенія Польши, надѣленіе польскихъ крестьянъ землею, находитъ ли себѣ безпристрастныхъ цѣнителей? Или, можетъ быть, англійскій способъ умиротворенія Ирландіи выселеніемъ вслѣдствіе голода — предпочтительнѣе съ гуманной точки зрѣнія?“

XIV.

Легко себѣ представить, какая путаница получается въ головѣ тѣхъ наивныхъ простаковъ, которые принимаютъ на вѣру лживыя, лицемѣрныя и лукавыя рѣчи двойственнаго на вѣсы и мѣры запада. Хорошее, несомнѣнно хорошее, хорошее для всякой здоровой головы, кажется дурнымъ, если оно пришло не съ запада. Рабовладѣльческіе и хищническіе инстинкты и поступки приводятъ въ восторгъ и умиленіе только потому, что это инстинкты и поступки запада, слывущаго либеральнымъ и гуманнымъ. Тамъ нѣтъ мѣста для личной мысли и совѣсти, гдѣ въ мелководное и по мелководью всегда покрытое рябью мышленіе вкоренились сѣмена такого ничтожества и духовнаго рабства.

Очевидно, что такіе умы не въ силахъ обобщить приведенные ряды фактовъ и соображеній и сдѣлать изъ нихъ правильное логическое умозаключеніе.

Въ чемъ же дѣло?

„Дѣло въ томъ, — говоритъ Данилевскій, — что Европа не признаетъ насъ своими. Она видитъ въ Россіи и славянахъ нѣчто ей чуждое, а вмѣстѣ съ тѣмъ такое, что не можетъ для нея служить матеріаломъ, изъ котораго она могла бы извлекать свои выгоды.

[1]) Отмѣтимъ мимоходомъ одно характерное замѣчаніе Данилевскаго. „Въ судьбѣ славянской народности—точно такъ же, какъ и въ судьбѣ православной церкви,—есть что-то особенное: только онѣ представляютъ примѣры того, что будучи религіею и народностью большинства подданныхъ въ государствѣ, онѣ однако же — вмѣсто того, чтобы быть господствующими, — суть самыя угнетенныя. Такую диковинку представляютъ намъ Турція и Австрія. Въ первой православіе есть религія большинства, а послѣдователи его тѣмъ не менѣе терпятъ наиболѣе угнетенія; во второй славяне составляютъ половину всего разнороднаго населенія имперіи, а изъ всѣхъ ея народовъ пользуются наименьшими правами и безпрестанно приносятся въ жертву нѣмцамъ и мадьярамъ“.

какъ извлекаетъ изъ Китая, Индіи, Африки, большей части Америки и т. д., — матеріаломъ, который можно было бы формировать и обдѣлывать по образу и подобію своему, какъ прежде было надѣялась, какъ особливо надѣялись нѣмцы, которые, не смотря на препрославленный космополитизмъ, только отъ единоспасающей германской цивилизаціи чаютъ спасенія міру. Европа видитъ поэтому въ Руси и славянствѣ не чуждое только, но и враждебное начало. Какъ ни рыхлъ и ни мягокъ оказался верхній, наружный, вывѣтрившійся и обратившійся въ глину слой, все-же Европа понимаетъ или, лучше сказать, инстинктивно чувствуетъ, что подъ этою поверхностью лежитъ крѣпкое, твердое зерно, которое ни растолочь, ни размолоть, ни растворить,—которое, слѣдовательно, нельзя будетъ себѣ ассимилировать, претворить въ свою плоть и кровь, — которое имѣетъ и силу, и притязаніе жить своею независимою, самобытною жизнью. Гордой и справедливо гордой своими заслугами Европѣ трудно,—чтобы не сказать невозможно,—перенести это. Итакъ, во что бы то ни стало,—не крестомъ, такъ пестомъ, не мытьемъ, такъ катаньемъ, — надо не дать этому ядру еще болѣе окрѣпнуть и разростись, пустить корни и вѣтви въ глубь и въ ширь. Ужъ и теперь — не поздно ли, не упущено ли время? Тутъ ли еще думать о безпристрастіи, о справедливости! Для священной цѣли не всѣ ли средства хороши? Не это ли проповѣдуютъ іезуиты и мадзинисты,— и старая, и новая Европа?"

„Тутъ даже нѣтъ ничего сознательнаго, въ чемъ бы Европа могла дать себѣ самой безпристрастный отчетъ. Причина явленія лежитъ глубже. Она лежитъ въ неизвѣданныхъ глубинахъ племенныхъ симпатій и антипатій, которыя составляютъ какъ бы историческій инстинктъ народовъ, ведущій ихъ (помимо, хотя и не противъ ихъ воли и сознанія) къ невѣдомой для нихъ цѣли, ибо въ общихъ главныхъ очертаніяхъ исторія слагается не по произволу человѣческому, хотя ему и предоставлено разводить на ней узоры".

„Это-то безсознательное чувство, этотъ-то историческій инстинктъ и заставляетъ Европу не любить Россію. Куда дѣвается тутъ безпристрастіе взгляда,—которымъ не обдѣлена однако и Европа, особливо Германія,—когда дѣло идетъ о чуждыхъ народностяхъ? Все самобытно русское и славянское кажется ей достойнымъ презрѣнія,— и оскорбленіе его составляетъ священнѣйшую обязанность и истинную задачу цивилизаціи. Gemeiner Russe, Bartrusse — суть термины величайшаго презрѣнія на языкѣ европейца и въ особенности нѣмца. Русскій человѣкъ можетъ претендовать на уваженіе въ глазахъ ихъ только тогда, когда потерялъ уже свой національный обликъ".

„Во всѣхъ разнообразныхъ сферахъ господствуетъ одинъ и тотъ-же духъ непріязни, принимающій, смотря по обстоятельствамъ, форму

недовѣрчивости, злорадства, ненависти или презрѣнія. Явленіе, касающееся всѣхъ сферъ жизни, отъ политическихъ до обыкновенныхъ житейскихъ отношеній, распространенное во всѣхъ слояхъ общества, притомъ не имѣющее никакого фактическаго основанія, можетъ нѣдриться только въ общемъ инстинктивномъ сознаніи той коренной розни, которая лежитъ въ историческихъ началахъ и въ историческихъ задачахъ племенъ".

XV.

Враждебность запада къ Россіи является лучшимъ доказательствомъ того, что у Россіи есть своя мысль и своя совѣсть, т. е. своя культура и своя философія. Онъ вѣритъ въ Россію и ея самобытность и, подъ внушеніями соперничества, смотритъ на нее съ опасеніемъ и тревогой, съ враждой и иногда, какъ въ наши дни, съ пламенной ненавистью. Чего ему сердиться на японцевъ, которые принимаютъ его догматы, отрекаясь отъ всего своего? Чего ему сердиться на турокъ, которые изжили всѣ свои жизненныя начала, одряхлѣли и къ новой жизни неспособны? Но онъ золъ на русскихъ и на славянъ, потому что видитъ у нихъ запасы свѣжихъ силъ и нерастраченнаго творчества.

Для пониманія культуры и философіи запада эта ненависть къ молодымъ силамъ чуждыхъ ему народностей имѣетъ большое и серьезное, хотя далеко не первостепенное значеніе. Онъ по своему правъ и, можетъ быть, другого выхода ему не остается. Но эта черта имѣетъ первостепенное значеніе для русскихъ западниковъ, потому что у нихъ, внѣ этого чувства къ народной жизни, ничего другого нѣтъ, и все, что они говорятъ, предполагаютъ, предлагаютъ и дѣлаютъ, исходитъ изъ этого источника. Всѣ попытки ихъ обобщеній и философіи слагаются только и исключительно на этой почвѣ.

Несостоятельность тѣхъ доводовъ и соображеній, въ силу которыхъ Россію обвиняютъ въ завоевательности и реакціонности, очевидна для всякаго. Но западно-европейскій инстинктъ, проникшій въ нѣдра умственной жизни русскихъ западниковъ, рабскою цѣпью сковываетъ ихъ мышленіе и душитъ въ зародышѣ всякую свободную и широкую мысль.

Западничество, которое Данилевскій называлъ европейничаньемъ, тяжелая и опасная болѣзнь, но это болѣзнь не русскаго народа,— онъ ею совсѣмъ не боленъ,—а только значительной части русскаго образованнаго общества или, точнѣе, болѣзнь русской интеллигенціи. Надо указать симптомы и формы этого недуга, чтобы получить возможность дать строгое и точное опредѣленіе тѣхъ понятій, кото-

рыя въ лихорадочному бреду страдающихъ отъ недуга приняли болѣзненно-причудливыя и мечтательныя формы.

„Болѣзнь эта тѣмъ ужасна,—говоритъ Данилевскій, что (подобно собачьей старости) придаетъ видъ дряхлости молодому облику полнаго жизни русскаго общественнаго тѣла и угрожаетъ ему если не смертью, то худшимъ смерти,—безплоднымъ и безсильнымъ существованіемъ“.

Исторія этой болѣзни извѣстна, но Данилевскому удалось подмѣтить въ ней своеобразныя черты, очень характерныя для психологической почвы тѣхъ логическихъ, а иногда—и чаще—мнимо логическихъ построеній, которыя составляютъ главную твердыню нашего недужнаго западничества. Поэтому въ его изложеніи она пріобрѣтаетъ особую цѣнность.

XVI.

Въ московской Руси передъ XVIII в. сказалась необходимость укрѣпить русскую государственность заимствованіями изъ культурныхъ сокровищъ, добытыхъ западною наукою и промышленностью.

„Петръ созналъ ясно эту необходимость, но (какъ большая часть великихъ историческихъ дѣятелей) онъ дѣйствовалъ не по спокойно обдуманному плану, а со страстностью и увлеченіемъ. Познакомившись съ Европою, онъ, такъ сказать, влюбился въ нее и захотѣлъ во что бы то ни стало сдѣлать Россію Европой. Видя плоды, которые приносило европейское дерево, онъ заключилъ о превосходствѣ самаго растенія, ихъ приносившаго, надъ русскимъ, еще безплоднымъ дичкомъ (не принявъ во вниманіе разности въ возрастѣ, не подумавъ, что для дичка, можетъ быть, еще настанетъ время плодоношенія) и потому захотѣлъ срубить его подъ самый корень и замѣнить другимъ. Такой замѣнъ возможенъ въ предметахъ мертвыхъ, образовавшихся подъ вліяніемъ внѣшней, чуждой имъ идеи. Можно, не переставая жить въ домѣ, измѣнить фасадъ его, замѣнить каждый камень, каждый кирпичъ, изъ которыхъ онъ построенъ, другими кирпичами или камнями; но по отношенію къ живому существу, образовавшемуся подъ вліяніемъ внутренняго самобытнаго образовательнаго начала, такія замѣщенія невозможны: они могутъ его только искалѣчить.

„Если Европа внушала Петру страстную любовь, страстное увлеченіе, то къ Россіи онъ относился двояко. Онъ вмѣстѣ и любилъ, и ненавидѣлъ ее. Любилъ онъ въ ней собственно ея силу и мощь, которую не только предчувствовалъ, но уже сознавалъ,—любилъ въ ней орудіе своей воли и своихъ плановъ, любилъ матеріалъ для зданія, которое намѣревался возвести по образцу и подобію идеи, зародившейся въ немъ подъ вліяніемъ европейскаго образца; ненавидѣлъ же самыя начала русской жизни,—самую жизнь эту какъ съ ея недостатками, такъ и съ ея достоинствами. Если бы онъ не ненавидѣлъ ее со всею страстностью своей души, то обходился бы съ нею осторожнѣе, бережнѣе, любовнѣе.

„Потому въ дѣятельности Петра необходимо строго отличать двѣ стороны: его дѣятельность государственную, всѣ его военныя, флотскія, административныя, промышленныя насажденія,—и его дѣятельность реформативную въ тѣсномъ значеніи этого слова, т. е. тѣ измѣненія въ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ, которыя онъ старался произвести въ русскомъ народѣ. Первая дѣятельность заслуживаетъ вѣчно-признательной, благоговѣйной памяти и благословенія потомства. Какъ ни тяжелы были для современниковъ его рекрутскіе наборы (которыми онъ не только пополнялъ свои войска, но строилъ города и заселялъ страны), введенная имъ безжалостная финансовая система, монополіи, усиленіе крѣпостнаго права, однимъ словомъ, запряженіе всего народа въ государственное тягло,—всѣмъ этимъ заслужилъ онъ себѣ имя Великаго, имя основателя русскаго государственнаго величія.

„Но дѣятельностью втораго рода онъ не только принесъ величайшій вредъ будущности Россіи (вредъ, который такъ глубоко пустилъ свои корни, что доселѣ еще разъѣдаетъ русское народное тѣло), онъ даже совершенно безполезно затруднилъ свое собственное дѣло: возбудилъ негодованіе своихъ подданныхъ, смутилъ ихъ совѣсть, усложнилъ свою задачу, самъ устроилъ себѣ препятствія, на побореніе которыхъ долженъ былъ употреблять огромную долю той необыкновенной энергіи, которою былъ одаренъ и которая, конечно, могла бы быть употреблена съ большею пользою.

„Къ чему было брить бороды, надѣвать нѣмецкіе кафтаны, загонять въ ассамблеи, заставлять курить табакъ, учреждать попойки (въ которыхъ даже пороки и распутство должны были принимать нѣмецкую форму), искажать языкъ, вводить въ жизнь придворную и высшаго общества иностранный этикетъ, мѣнять лѣтосчисленіе, стѣснять свободу духовенства? Къ чему ставить иностранныя формы на первое почетное мѣсто и тѣмъ накладывать на все русское печать низкаго и подлаго, какъ говорилось въ то время? Неужели это могло укрѣпить народное сознаніе? Конечно, однихъ государственныхъ нововведеній (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) было недостаточно: надо было развить то, что всему даетъ крѣпость и силу, т. е. просвѣщеніе; но что же имѣли общаго съ истиннымъ просвѣщеніемъ всѣ эти искаженія народнаго облика и характера? Просвѣщеніе къ тому же не насаждается по произволу, какъ мѣняется форма одежды, или вводится то или другое административное устройство. Его слѣ-

довало не насаждать извнѣ, а развивать извнутри. Ходъ его былъ бы медленнѣе, но зато вѣрнѣе и плодотворнѣе.

XVII.

„Какъ бы то ни было, русская мысль была насильственно перевернута на иностранной ладъ. Сначала это удалось только относительно верхнихъ словъ общества, на которые дѣйствіе правительства сильнѣе и прямѣе и которые вообще всегда и вездѣ податливѣе на разные соблазны. Но мало-по-малу это искаженіе стало распространяться и въ ширь, и въ глубь, т. е. расходиться отъ высшихъ классовъ на занимающіе болѣе скромное мѣсто въ общественной іерархіи и съ наружности проникать въ самый строй чувствъ и мыслей обезнародывающей реформы. Послѣ Петра наступили царствованія, въ которыхъ правящія государствомъ лица относились къ Россіи уже не съ двойственныхъ характеромъ ненависти и любви, а съ одною лишь ненавистью, съ однимъ презрѣніемъ, которымъ такъ богато одарены нѣмцы ко всему славянскому, въ особенности ко всему русскому [1]).

„Послѣ этого тяжелаго періода долго еще продолжались, да и до сихъ поръ продолжаются еще, колебанія между предпочтеніемъ то русскому, какъ при Екатеринѣ Великой, то иностранному, какъ при Петрѣ III или Павлѣ. Но подъ вліяніемъ толчка, сообщеннаго Петромъ, самое понятіе объ истинно-русскомъ до того исказилось, что даже въ счастливые періоды національной политики (какъ внѣшней, такъ и внутренней) русскимъ считалось нерѣдко такое, что вовсе этого имени не заслуживало.

„Говоря это, я разумѣю вовсе не одно правительство, а все общественное настроеніе, которое, электризуясь отъ времени до времени русскими патріотическими чувствами, все болѣе и болѣе однако-же становилось безнароднымъ, подъ вліяніемъ европейскихъ

---

[1]) «Государственная реформа,—говоритъ Данилевскій въ другомъ мѣстѣ,—которую претерпѣла Россія и которая, съ государственной точки зрѣнія и въ предѣлахъ государственности, была совершенно необходима, перешла однако-же должную мѣру, вышибла и сбила Россію съ народнаго національнаго пути. Пока живъ былъ великій реформаторъ, господствовалъ еще надо всѣмъ русскій интересъ, по крайней мѣрѣ въ политической сферѣ. Но, со смертью Петра, нѣмецкое вліяніе, которому былъ данъ такой огромный перевѣсъ, не переставало возрастать, такъ что во времена Анны можно было сомнѣваться, не исчезнетъ ли, не сотрется ли совершенно національный русскій характеръ съ русскаго (только по имени) государства,—не обратится ли русскій народъ только въ орудіе, матеріальное средство для нѣмецкихъ цѣлей?»

соблазновъ, и принимало какой-то общеевропейскій колоритъ: то съ преобладаніемъ французскихъ, то нѣмецкихъ, то англійскихъ колеровъ, смотря по обстоятельствамъ времени—и по слоямъ, и кружкамъ, на которые разбивается общество.

Всѣ формы русскаго западничества Данилевскій подводитъ подъ три разряда.

1) Искаженіе народнаго быта и замѣна формъ его формами чуждыми, иностранными,—искаженіе и замѣна, которыя, начавшись съ внѣшности, не могли не проникнуть въ самый внутренній строй понятій и жизни высшихъ слоевъ общества, и не проникать все глубже и глубже.

2) Заимствованіе разныхъ иностранныхъ учрежденій и пересадка ихъ на русскую почву—съ мыслью, что хорошее въ одномъ мѣстѣ должно быть и вездѣ хорошо.

3) Взглядъ какъ на внутреннія, такъ и на внѣшнія отношенія и вопросы русской жизни съ иностранной, европейской точки зрѣнія, разсматриванье ихъ въ европейскіе очки, такъ сказать въ стекла, поляризованныя подъ европейскимъ угломъ наклоненія, при томъ нерѣдко то, что должно бы намъ казаться окруженными лучами самаго блистательнаго свѣта, является совершеннымъ мракомъ и темнотою, и наоборотъ.

Изъ той блестящей вереницы выводовъ и соображеній, которую развертываетъ Данилевскій по этимъ тремъ рубрикамъ, мы вынуждены отмѣтить сравнительно только очень немногое, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ нашей основной мысли о психологическихъ источникахъ мнимо-научнаго мышленія, будто бы покорнаго только безстрастнымъ законамъ логики.

XVIII.

1) „Вслѣдствіе измѣненія формъ быта, русскій народъ раскололся на два слоя, которые отличаются между собою съ перваго взгляда по самой своей наружности. Низшій слой остался русскимъ, высшій сдѣлался европейскимъ, — европейскимъ до неотличаемости. Но высшее—болѣе богатое и образованное—сословіе всегда имѣетъ притягательное вліяніе на низшія, которыя невольно стремятся съ нимъ сообразоваться,—уподобиться ему, сколько возможно. Поэтому въ понятіи народа невольно слагается представленіе, что свое русское есть (по самому существу своему) нѣчто худшее, низшее. Всякому случалось, я думаю, слышать выраженія, въ которыхъ съ эпитетомъ *русскій* соединялось представленіе низшаго, худшаго: русская лошаденка, русская овца, русская курица, русское кушанье, русская

пѣсня, русская сказка, русская одежда и т. п. Все, чему придается это названіе русскаго, считается какъ бы годнымъ лишь для простого народа, не стоющимъ вниманія людей болѣе богатыхъ или образованныхъ. Неужели такое понятіе не должно вести къ униженію народнаго духа, къ подавленію чувства народнаго достоинства? А между тѣмъ это самоуниженіе, очевидно, коренится въ томъ обстоятельствѣ, что все выходящее (по образованію, богатству, общественному положенію) изъ рядовъ массы, сейчасъ же рядится въ чужеземную обстановку.

„Но униженіе народнаго духа, проистекающее изъ такого раздвоенія народа въ самой наружной его обстановкѣ, составляетъ, можетъ быть, еще меньшее зло, чѣмъ недовѣрчивость, порождаемая въ народѣ, сохранившемъ самобытныя формы жизни, къ той части его, которая имъ измѣнила. Въ мою бытность въ архангельской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, никогда не было крѣпостного права и гдѣ, слѣдовательно, нельзя объяснить имъ недовѣрчивость и подозрительность къ онѣмеченнымъ по наружности классамъ общества, мнѣ случилось имѣть слѣдующій разговоръ съ однимъ изъ поморскихъ промышленниковъ. Мнѣ любопытно было узнать, какъ судили о холерѣ поморы, которые по своей развитости далеко превосходятъ массу нашего крестьянства. Мой собесѣдникъ не скрылъ отъ меня, что и у нихъ большинство приписывало эту болѣзнь отравленію.—Да кто же,—спросилъ я,—занимался, по ихъ мнѣнію, этимъ отравленіемъ?—Господа.—Да вѣдь у васъ и господъ никакихъ нѣтъ, кромѣ чиновниковъ. Можетъ ли статься, чтобы служащіе государю чиновники стали отравлять народъ?—Конечно,—отвѣчалъ онъ,—по, по мнѣнію нашихъ дураковъ, государь объ этомъ не зналъ, а господъ подкупили нѣмцы (надъ нѣмцами, само собою разумѣется, понимались иностранцы или европейцы вообще).—Да нѣмцамъ-то зачѣмъ насъ отравлять?—Какъ зачѣмъ? Извѣстно, что нѣмцы русскаго народа не любятъ.

„Народъ понимаетъ инстинктивно ту ненависть, которую питаетъ Европа къ Россіи,—и потому всякое изъ ряду обыкновеннаго выходящее бѣдствіе, постигающее его, склоненъ приписывать этой враждебности, хотя, конечно, преувеличиваетъ ея проявленія. Но гдѣ же ему съ юридическою точностью отличать, къ чему способна и къ чему неспособна эта враждебность? Вѣдь защищаетъ же значительная часть европейскаго общественнаго мнѣнія поддѣлку фальшивой монеты, если она имѣетъ цѣлью вредить русскимъ народнымъ интересамъ. Вѣдь защищало же оно жандармовъ-вѣшателей и кинжальщиковъ. Вѣдь замыкаетъ же оно уши и закрываетъ глаза передъ ясными уликами злонамѣренныхъ политическихъ поджоговъ. Вѣдь терпитъ же Европа и даже не только терпитъ, но и поддерживаетъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ, а при нуждѣ и матеріальною силою, турецкія насилія (грабежи, изнасилованія и убійства) надъ греками и славянами, единственно изъ вражды къ Россіи и славянству. Можно ли послѣ этого слишкомъ строго судить и русскій народъ, если онъ не совсѣмъ точно проводитъ черту, до которой можетъ простираться эта враждебность? Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что чужеземная наружность нашихъ объевропеившихся классовъ вводитъ народъ въ соблазнъ, побуждая его считать ихъ способными къ переходу во враждебный Россіи лагерь“.

2) Привычка красть западно-европейскія учрежденія для русскаго народа истекаетъ исключительно изъ того убѣжденія, что доброму вору все въ пору.

„Такимъ образомъ были пересажены къ намъ разные нѣмецкіе бюрократическіе порядки, городовое устройство и т. д. Чтобы разобрать всѣ эти пересадки и все вредное вліяніе ихъ на русскую жизнь, надо было бы исписать цѣлый томъ, къ чему я не чувствую въ себѣ ни малѣйшаго призванія,—да нѣтъ и большой надобности въ подобномъ трудѣ, такъ какъ опытъ достаточно показалъ, что онѣ у насъ не принимаются, засыхаютъ на корню и безпрестанно требуютъ новаго подвоза. И, напротивъ того, тотъ же опытъ достаточно краснорѣчиво говоритъ, что тѣ измѣненія съ нашей общественной и государственной жизни, которыя вытекаютъ изъ внутреннихъ потребностей народныхъ, принимаются необыкновенно успѣшно и скоро такъ разростаются, что заглушаютъ чахлыя пересадки. Такъ, величайшая историческая реформа нынѣшняго царствованія возвратившая народу его исконную свободу (въ новизнѣ которой послышалась нашимъ старообрядцамъ знакомая имъ старина), не была произведена по западному или остзейскому образцу, а по самобытному плану, упрочившему народное благо на многіе и многіе вѣка“.

XIX.

3) Взятый на прокатъ западный умъ въ русской головѣ способенъ на самыя удивительныя нелѣпости, въ несомнѣнномъ мракѣ видитъ свѣтъ, въ несомнѣнномъ свѣтѣ народную темноту, ставитъ на пьедесталъ шведскихъ феодаловъ въ Финляндіи, нѣмецкихъ бароновъ въ Остзейскомъ краю, деспотическую шляхту въ странѣ угнетаемыхъ хлоповъ, хотя держится совершенно противоположныхъ воззрѣній, когда дѣло идетъ не о томъ, что совершается въ предѣлахъ русскаго государства.

На этой почвѣ развивается высоко-комическая алчность. Все,

что есть на западѣ, должно быть и у насъ. А такъ какъ нельзя перетащить историческія и живыя силы на самомъ дѣлѣ, начинаютъ воровать слова, клички, этикетки и термины, пристегивая ихъ къ самымъ неподходящимъ явленіямъ.

„У насъ, къ несчастію, заимствованіе номенклатурное производитъ путаницу гораздо болѣе существенную, потому что наши высшіе общественные классы, привыкшіе жить умственно чуждою жизнью, невольно переносятъ вычитанные и высмотрѣнные ими европейскіе идеалы—на дѣйствительную жизнь, пріурочивая ихъ къ нашимъ общественнымъ явленіямъ, тождественнымъ *по названію* съ европейскими,—названію, данному на основаніи самой поверхностной аналогіи. Такимъ образомъ появились на Руси аристократія и демократія“.

„Аристократія, аристократизмъ—въ примѣненіи къ Россіи и русскому обществу—не означали и не означаютъ ничего другого, какъ свѣтскій лоскъ и тонъ, господствующій въ богатыхъ, столичныхъ домахъ, — ничего другого, какъ людей, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній успѣвшихъ съ значительною степенью совершенства перенять манеры прежнихъ французскихъ маркизовъ или нынѣшнихъ англійскихъ лордовъ. Другого смысла русскій аристократизмъ, русская аристократія—не имѣютъ. Но тамъ, гдѣ нѣтъ внутренняго содержанія, тамъ внѣшность, имя, названіе—все“.

Западная аристократія—это „институтъ по происхожденію своему общеевропейскій въ полномъ смыслѣ этого слова“, предполагающій „солидарность всѣхъ европейскихъ аристократическихъ интересовъ“. Поэтому и „нашъ подражательный аристократизмъ не могъ не прильнуть къ этой всеобщей аристократической солидарности и сталъ требовать союза между мнимою русскою аристократіею съ весьма неминымымъ польскимъ шляхетствомъ и остзейскимъ баронствомъ. Какого бы кто ни былъ мнѣнія объ этомъ послѣднемъ, несомнѣнно, что польское шляхетство есть исконный, коренной и злѣйшій врагъ русскаго народа. Итакъ, обвиненія французскихъ демократовъ противъ союза европейскихъ аристократій на гибель свободы и благостоянія народовъ — не примѣняются ли въ полной мѣрѣ къ той партіи, которая является защитницею и покровительницею польскаго шляхетства, — которая говоритъ, что польскій панъ ближе къ ея сердцу, чѣмъ западно-русскій мужикъ? Не проповѣдуетъ ли она дѣйствительно пагубы русскаго народа, являясь ходатаемъ и защитникомъ злѣйшаго его врага? Вотъ къ чему приводитъ подражательность; вотъ результаты перенесенія европейскихъ взглядовъ и тенденцій на русскую почву“.

„Но если у насъ есть европействующіе аристократы, то у насъ такъ же точно есть и европействующіе демократы“. „Припомнимъ союзъ нашихъ демократовъ съ польскою справою, и мы увидимъ, что и демократическое европейничанье такъ же точно было готово предать русскій народъ въ жертву его злѣйшимъ врагамъ, принимающимъ, чтобы вѣрнѣе вредить ему, и аристократическую, и демократическую личину“.

„Наше аристократическое и демократическое европейничанье, за неимѣніемъ внутренняго содержанія, должно по необходимости представлять явленіе, принадлежащее къ разряду каррикатурныхъ“.

„Если нерусское происхожденіе лжеаристократизма очевидно и никѣмъ не оспаривается, то нашему лжедемократизму или полнѣйшему проявленію его, извѣстному подъ именемъ нигилизма, хотятъ во что бы то ни стало приписать русское доморощенное происхожденіе. Когда наши европейскіе друзья твердятъ на всѣ лады, что русское общество и русскій народъ разъѣдены самаго пагубнаго свойства соціалистическими, матеріалистическими, демократическими ученіями,—когда, по ихъ словамъ, русскій демократизмъ угрожаетъ благосостоянію Европы,—то этому удивляться нечего, это въ порядкѣ вещей: à la guerre comme à la guerre“. Но „нигилизмъ“ — не болѣе, не менѣе, какъ одна изъ формъ нашего европейничанья. И какъ ни плохи наши гимназіи и наши университеты — не они, однако же, произвели эту язву; и какъ ни полезна, можетъ быть, классическая школа, не она излечитъ насъ отъ этой язвы“.

„Нигилизмъ есть послѣдовательный матеріализмъ — и ничего больше“.

„Безъ самобытнаго развитія, привыкши вѣрить на слово нашимъ иностраннымъ учителямъ и въ послѣднее время будучи обучаемы исключительно нѣмецкою наукою, мы заразились самоновѣйшимъ и самомоднѣйшимъ ея направленіемъ, которое не встрѣчало ни внѣшняго, ни внутренняго противодѣйствія. Къ какой націи принадлежатъ—Фохтъ, Молешоттъ, Фейербахъ, Бруно Бауеръ, Бюхнеръ, Максъ Штирнеръ, эти корифеи новѣйшаго матеріализма? Развѣ они русскіе или воспитанники русскихъ гимназій, сдѣлавшіеся нигилистами отъ недостаточно глубокаго изученія латинскихъ и греческихъ классиковъ? Развѣ русскаго происхожденія и тѣ ученія, которыя, хотя и не могутъ назваться чисто матеріалистическими, но, однакоже, служатъ необходимыми подпорками матеріализма,—какъ-то Дарвиново ученіе о происхожденіи видовъ, Гукслеевы выводы о близости человѣка къ обезьянамъ, Боклево отверженіе человѣческой свободы на основаніи добытыхъ статистикою результатовъ? Что принесли русскіе въ эту сокровищницу матеріалистическихъ ученій? Ничего“.

„Мы и тутъ повторяли, какъ попугаи, чужія слова и мысли,—какъ наши дѣды повторяли ученія энциклопедистовъ и отчасти ученія мистиковъ, —какъ наши отцы повторяли ученіе германскаго

трансцендентальнаго идеализма. Если эти ученія, получавшія нѣкоторое распространеніе въ русскомъ обществѣ въ былыя времена, не могутъ считаться явленіями русской жизни, то почему же приписывается это нигилизму, имѣющему столь же очевидно иноземное происхожденіе? Или, можетъ быть, съ свойственною подражателямъ склонностью преувеличенія, мы утрировали заимствованное нами ученіе? Къ счастью или къ несчастью, наши учителя не оставили намъ даже и этой возможности отличиться. Когда утверждаютъ, что человѣкъ есть прямой потомокъ гориллы или орангутанга,—что мысль есть такое же отдѣленіе мозга, какъ урина отдѣленіе почекъ,—что считать что-либо священнымъ—столь же нелѣпый обычай, какъ *табу* островитянъ Полинезіи, — то остается ли еще какая-либо возможность къ утрировкѣ?

„И нигилизмъ, и аристократизмъ, и демократизмъ, и конституціонализмъ составляютъ только весьма частныя проявленія нашего европейничанья. Самый общій видъ его, повидимому, менѣе зловредный, въ сущности же гораздо опаснѣйшій изъ всѣхъ, есть наше балансированіе передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, которую мы признали своимъ судьею, передъ рѣшеніемъ которой трепещемъ, милости которой заискиваемъ. Такое отношеніе къ иностранному общественному мнѣнію, даже если бы это мнѣніе не было радикально-враждебно всему русскому, не можетъ не лишать насъ всякой свободы мысли, всякой самодѣятельности. Мы уподобляемся тѣмъ франтамъ, которые, любя посѣщать общество, не имѣютъ увѣренности въ свѣтскости своихъ манеръ. Постоянно находясь подъ гнетомъ заботы, чтобы ихъ позы, жесты, движенія, походка, костюмъ, взгляды, разговоры отличались бонтонностью и комильфотностью,—они, даже будучи ловки и неглупы съ природы, ничего не могутъ сдѣлать, кромѣ неловкостей,—ничего сказать, кромѣ глупостей. Не то же ли самое съ нашими общественными дѣятелями, безпрестанно оглядывающимися и прислушивающимися къ тому, что скажетъ Европа, признаетъ ли цѣйствія ихъ достойными просвѣщеннаго европеизма?

„Вмѣсто одобренія народной совѣсти, признали мы нравственнымъ двигателемъ нашихъ дѣйствій трусливый страхъ передъ приговорами Европы, унизительно тщеславное удовольствіе отъ ея похвалъ".

XX.

„Всѣ виды, формы и проявленія западничества — это, конечно, только симптомы болѣзни, которую можно назвать слабостью и немощью народнаго духа въ высшихъ образованныхъ слояхъ русскаго

общества. Но, будучи симптомами болѣзни, они составляютъ вмѣстѣ и родотворную причину болѣзни, отъ которой она ведетъ свое происхожденіе и которая безпрестанно ее поддерживаетъ. Болѣзнь эта—въ цѣломъ—препятствуетъ осуществленію великихъ судебъ русскаго народа и можетъ, наконецъ (не смотря на все видимое государственное могущество), изсушивъ самобытный родникъ народнаго духа, лишить историческую жизнь русскаго народа внутренней зиждительной силы и, слѣдовательно, сдѣлать безполезнымъ, излишнимъ самое его существованіе, ибо все, лишенное внутренняго содержанія, составляетъ лишь историческій хламъ, который собирается и въ огонь вметается въ день историческаго суда.

„Какая же сила излечитъ насъ отъ постигшаго насъ недуга и, упраздняя въ немъ все искажающее нашъ народный обликъ, обратитъ и эту болѣзнь къ росту, какъ обратила уже татарское данничество и закрѣпощеніе народа? И прямое дѣйствіе власти, и сила слова кажутся намъ для сего недостаточными. Оскудѣніе духа можетъ подняться только поднятіемъ и возбужденіемъ духа, которое заставило бы встрепенуться всѣ силы русскаго общества, привело бы ихъ въ живое общеніе, восполнило бы недостатокъ духа тамъ, гдѣ онъ изсякаетъ въ подражательности и слѣпомъ благоговѣніи передъ чуждыми идеалами, восполнило изъ того сокрытаго источника, откуда онъ не разъ билъ полноводнымъ ключемъ, какъ во дни Минина, и начиналъ бить въ болѣе близкія къ намъ годины испытаній 1812 и 1863 годовъ. Для избавленія отъ духовнаго плѣна и рабства надобенъ тѣсный союзъ со всѣми плѣненными и порабощенными братьями, — необходима борьба, которая, сорвавъ всѣ личины, поставила бы враговъ лицомъ къ лицу и заставила бы возненавидѣть идолослуженіе и поклоненіе своимъ отъявленнымъ врагамъ и противникамъ. Совершить это въ силѣ только суровая школа событій, только грозный опытъ исторіи".

XXI.

Данилевскій думалъ, что цѣлебную силу для русскаго народа и для всего славянства вообще таитъ въ себѣ такъ называемый *восточный вопросъ*.

Книга Данилевскаго „Россія и Европа" — одна изъ самыхъ умныхъ книгъ, которыя только появлялись на русскомъ языкѣ. То, что онъ сказалъ по восточному вопросу, просто, ясно, глубоко, умно и полно неотразимой убѣдительности. Но мы не послѣдуемъ за нимъ въ эту область. Намъ нужно было знать только его діагнозъ бо-

лѣзни, тѣ симптомы, по которымъ можно было бы опредѣлить формы и степень недуга.

Ставимъ другой вопросъ, вопросъ о другомъ факторѣ, подсказавшемъ западу многое въ его философіи и наукѣ.

Европа враждебна къ Россіи. Этотъ фактъ имѣетъ, конечно, большое значеніе для ея науки, философіи и морали. Это выдвигаетъ изъ безсознательныхъ сумерекъ на свѣтъ Божій тѣ инстинкты и стремленія ея ума и совѣсти, которыя при другихъ условіяхъ вѣками таились бы въ безднахъ безсознательности, и только будущій историкъ, питомецъ другой культуры и далекаго отъ насъ мнѣнія угадалъ бы зерно ея мышленія и затаенныя пружины ея дѣятельности. Но борьба и особенно война разоблачаетъ истинный характеръ народа и народовъ.

Эта вражда и эта ненависть при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ могли бы дать поводъ Европѣ пересчитать свои запасы, провѣрить свои выводы, пересмотрѣть и ввести въ узаконенныя нормы вѣсы и мѣры и, прояснивъ еще разъ свое самосознаніе, поискать источниковъ новаго творчества. Но Европа слишкомъ горда для этого. Будетъ ли это когда-нибудь или этого никогда не будетъ и Европа доживетъ свой вѣкъ только съ тѣмъ, съ чѣмъ когда-то вышла на свою дорогу, — вопросъ при наличномъ положеніи дѣлъ пока неразрѣшимый.

Но это только обнаруживаетъ щель въ ея логикѣ, не парализуя окончательно ея мышленія. Чрезмѣрно любить свое и безъ причинъ ненавидѣть чужое,—при несовершенствѣ человѣческаго ума и сердца, явленіе болѣе или менѣе естественное. Но безмѣрно любить чужое и безъ причинъ ненавидѣть свое — явленіе болѣе сложное и уже совсѣмъ неестественное. Если Европа мѣняетъ свои вѣсы и мѣры, когда, оставивъ свои домашнія дѣла, начинаетъ говорить о Россіи,— это, конечно, объясняется эгоистическими побужденіями, но глупости и безотчетности въ ея повадкѣ нѣтъ. Когда же это начинаютъ дѣлать русскіе западники, у которыхъ такихъ эгоистическихъ побужденій не должно бы быть, когда для нихъ патріотизмъ хорошъ въ Финляндіи, Польшѣ и въ Арменіи, и совсѣмъ не хорошъ въ Россіи, ихъ безкорыстная глупость уничтожаетъ самую возможность мышленія.

Всегда думать, говорить и дѣйствовать, такъ сказать, по излишне двойной бухгалтеріи, славить для запада и на западѣ хулимое въ Россіи и для Россіи, каждому понятію усвоять двойственный и въ двойственности несочетаемый смыслъ, набить мышленіе сучковатыми рогатками, которымъ трудно улечься рядомъ, составить словарь двоящихся и расплывающихся словъ, смыслъ которыхъ неизбѣжно и по существу дѣла теменъ и сбивчивъ,—этого не выдержитъ никакая голова, даже буйная голова русскаго интеллигента. По несомнѣннымъ и очевиднымъ признакамъ ясно, что теперь для русскаго общества нѣтъ послѣдовательнаго и здороваго мышленія, что теперь для него настала пора безумія, которое явилось вполнѣ естественнымъ и необходимымъ логическимъ выводомъ западническаго силлогизма. Теперь, когда на стражѣ этого безумія стали сверхъбосякъ Горькій и сверхъ-богословъ на почвѣ цинизма и непристойности В. В. Розановъ, люди больной мысли и еще болѣе больной совѣсти, становится яснымъ, до чего можетъ довести ненависть къ своему и любовь къ чужому, возведенная въ принципъ и систему, въ головѣ, отягченной и омраченной ошибочными предположеніями предшествующихъ поколѣній. Здѣсь уже не болѣзнь, а смерть, полное разложеніе извѣстнаго круга понятій, агонія мышленія, воспитаннаго въ безстыдствѣ цинизма и на принципахъ безшабашной разнузданности.

Это придаетъ, конечно, особый оттѣнокъ тѣмъ понятіямъ, которыя служили краеугольными камнями для рухнувшаго зданія. Смыслъ этого банкротства для насъ не былъ бы ясенъ, если бы мы не изучили той психологической почвы, на которой они сложились.

Но это еще далеко не все. Борьба и особенно война, выше сказали мы, обнаруживаетъ истинный характеръ народа и народовъ. Какой же именно характеръ Европы сказался въ ея борьбѣ съ Россіей?

Европа—терминъ сбивчивый и неопредѣленный. Гораздо проще и удобнѣе говорить о романо-германскомъ культурно-историческомъ типѣ. Какой же именно характеръ германо-романскаго міра сказался въ его исторіи, въ его наукѣ, въ его культурѣ? Нельзя отрицать того, что этотъ вопросъ имѣетъ первостепенное значеніе, когда дѣло идетъ о психологическихъ источникахъ мнимо-логическихъ и мнимо-научныхъ выводовъ. И на этотъ вопросъ блестящій отвѣтъ далъ Данилевскій. У него есть страницы, болѣе цѣнныя для изслѣдованія и изученія началъ и элементовъ русской философіи, есть обобщенія, которымъ суждено стать исходною точкою для новаго движенія русской философской мысли,—но страницы, посвященныя психологической характеристикѣ германо-романской мысли, все-же заслуживаютъ полнаго и пристальнаго вниманія, такъ какъ открываютъ новый источникъ ошибокъ и заблужденій западнаго раціонализма. Въ виду особой важности этихъ страницъ для нашей мысли, мы приведемъ ихъ почти цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что онѣ въ немногихъ словахъ даютъ много. Данилевскому удалось большую и сложную мысль высказать въ сжатой и сильной формѣ.

XXII.

„Для отысканія свойствъ, которыя можно было бы считать поистинѣ чертами національнаго характера и притомъ существенно важными, надобно избрать другой путь, нежели простая описательная передача частныхъ наблюденій. Ежели бы намъ удалось найти такія черты національнаго характера, которыя высказались бы во всей исторической дѣятельности, во всей исторической жизни сравниваемыхъ народовъ, то задача была бы рѣшена удовлетворительно, ибо, если какая-либо черта народнаго характера проявляется во всей исторіи народа, то необходимо заключить, во-первыхъ, что она есть черта общая всему народу и только по исключенію можетъ не принадлежать тому или другому лицу,—во-вторыхъ, что эта черта постоянная, независящая отъ случайныхъ и временныхъ обстоятельствъ того или другого положенія, въ которомъ народъ находится, той или другой ступени развитія, черезъ которыя онъ проходитъ,—наконецъ, въ третьихъ, что эта черта существенно важная, если могла запечатлѣть собою весь характеръ его исторической дѣятельности. Такую черту въ правѣ мы, слѣдовательно, принять за нравственный этнографическій признакъ народа, служащій выраженіемъ существенной особенности всего его психическаго строя.

„Одна изъ такихъ чертъ, общихъ всѣмъ народамъ романо-германскаго типа, есть *насильственность* (Gewaltsamkeit). Насильственность въ свою очередь есть не что иное, какъ чрезмѣрно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человѣкъ имъ обладающій, ставитъ свой образъ мыслей, свой интересъ такъ высоко, что всякій иной образъ мыслей, всякій иной интересъ долженъ ему уступить, волею или неволею, какъ неравноправный ему. Такое навязываніе своего образа мыслей другимъ, такое подчиненіе всего своему интересу, даже не кажется съ точки зрѣнія чрезмѣрно развитаго индивидуализма, чрезмѣрнаго чувства собственнаго достоинства чѣмъ-то несправедливымъ. Оно представляется, какъ естественное подчиненіе низшаго высшему, въ нѣкоторомъ смыслѣ даже какъ благодѣяніе этому низшему. Такой складъ ума, чувства и воли ведетъ въ политикѣ и общественной жизни, смотря по обстоятельствамъ,—къ аристократизму, къ угнетенію народностей, или къ безграничной, ничѣмъ не умѣряемой свободѣ, къ крайнему политическому дробленію; въ религіи къ нетерпимости или къ отверженію всякаго авторитета. Конечно, онъ имѣетъ и хорошія стороны, составляетъ основу настойчиваго образа дѣйствій, крѣпкой защиты своихъ правъ и т. д.“

XXIII.

„Ранѣе всего проявляется эта насильственность европейскаго характера въ сферѣ религіозной, такъ какъ эта сфера составляла долгое время преимущественный интересъ, который преобладалъ надъ всѣми прочими. Насильственность въ религіи, т. е. нетерпимость, проявилась одинаково какъ въ племенахъ романскаго, такъ и въ племенахъ германскаго корня. Первая еретическая кровь пролилась, какъ извѣстно, на западѣ, хотя число ересей было гораздо многочисленнѣе на востокѣ. Въ 385 году испанскій еретикъ Прискилліанъ съ шестью сообщниками были пойманы и казнены въ Бордо, послѣ осужденія ихъ на соборахъ Сарагосскомъ, Бордосскомъ и Трирскомъ. Православная церковь, въ лицѣ Амвросія Медіоланскаго и Мартина Турскаго, въ ужасѣ отвратилась отъ этого преступленія. Эта казнь, эта религіозная насильственность, совершенная еще во времена римской имперіи, еще при общемъ господствѣ православія, послужили какъ бы началомъ той нетерпимости, которую выказалъ впослѣдствіи католицизмъ. Но, можетъ быть, признавъ казнь Прискилліана за частный случай, припишутъ всю религіозную нетерпимость и насильственность послѣдующихъ вѣковъ именно вліянію католицизма, а не воздѣйствію національнаго характера германо-романскихъ народовъ на религіозныя убѣжденія и дѣятельность, какъ они проявились въ среднихъ и въ началѣ новыхъ вѣковъ? Но что же такое самъ католицизмъ, какъ не христіанское ученіе, подвергнувшееся искаженію именно подъ вліяніемъ германо-романскаго народнаго характера? Само христіанское ученіе не содержитъ никакихъ зародышей нетерпимости,—слѣдовательно, нельзя сказать, что оно придало насильственность характеру народовъ, его исповѣдующихъ, какъ напримѣръ, это можно съ полнымъ правомъ утверждать относительно вліянія исламизма. Если, слѣдовательно, католичество выказало свойства нетерпимости и насильственности, то, конечно, не могло ни откуда заимствовать ихъ, какъ изъ характера народовъ, его исповѣдующихъ“.

Карлъ Великій утвердилъ власть римскаго епископа во всемъ своемъ государствѣ.

„Папы не могли не видѣть открывавшейся передъ ними перспективы, которая могла составлять достаточную цѣль для ихъ честолюбія въ то время, когда не были еще изобрѣтены лжеисидоровы декреталіи и, угнетенные ломбардами, римскіе епископы не могли еще предвидѣть ни своего свѣтскаго владычества, ни учрежденія феодально-теократической монархіи въ Европѣ, наполовину еще наполненной язычниками, угрожаемой магометанами и представляющей безсмысленную кровавую неурядицу меровингской Франціи.

Очевидно, что догматическое различие съ востокомъ не могло входить въ ихъ планы, да оно и не входило".

„Причина догматической разницы между церквами западною и восточною не имѣетъ другого источника, кромѣ невѣжества, господствовавшаго на западѣ въ первые вѣка средней исторіи и той насильственности характера, которая составляетъ основу всякаго деспотизма,—насильственности, считающей, что личное частное мнѣніе достаточно освящается и утверждается тѣмъ, что оно есть *наше мнѣніе.* Совѣщаніе съ востокомъ являлось какъ бы униженіемъ въ собственныхъ глазахъ западнаго духовенства. Такимъ образомъ, часть, *церковь западная,* похитила, узурпировала актомъ насилія права цѣлаго, *церкви вселенской.* Въ этомъ собственно папы были неповинны".

XXIV.

Ахенскій соборъ 809 г., по понятіямъ самихъ католиковъ, только помѣстный, не имѣвшій на своей сторонѣ даже санкціи папскаго авторитета, призналъ правильнымъ и законнымъ извѣстное измѣненіе въ Символѣ вѣры. За признаніе этого новаго символа горячо стоялъ Карлъ Великій. По самой сущности этого догмата можно сказать, что въ данномъ случаѣ Карлъ дѣйствовалъ не по внутреннему убѣжденію или не только по внутреннему убѣжденію.

„Вся дѣятельность Карла заключалась въ осуществленіи носившагося въ душѣ его идеала,—всемірнаго христіанскаго государства, въ которомъ вся высшая,—какъ свѣтская и духовная, — власть сосреточивалась бы въ лицѣ императора. Идеалъ того цезаропапизма, которымъ иностранцы любятъ укорять Россію". Для этого церковь прежде всего должна была быть свободною отъ всякаго внѣшняго вліянія или вмѣшательства. „Но могла ли она таковою считаться, когда папа былъ только однимъ изъ пяти вселенскихъ патріарховъ, когда для установленія и измѣненія не только догматовъ вѣры, но и общихъ нормъ богослуженія и каноническаго церковнаго порядка нуженъ былъ авторитетъ вселенскихъ соборовъ, которые до того времени всегда собирались на востокѣ, или по крайней мѣрѣ, согласіе іерарховъ востока?"—Карлу была нужна государственная церковь и для этого онъ и воспользовался догматическою разницею, какъ для той же цѣли впослѣдствіи Генрихъ VIII отдѣлилъ англиканскую церковь отъ римской.

„По искреннему ли убѣжденію въ недозволительности измѣнять вселенскій символъ или по желанію сохранить себѣ точку опоры противъ всеподчиняющей себѣ императорской власти, Левъ III, какъ

извѣстно, не согласился на настойчивыя требованія пословъ Карла. Не смотря на такое сопротивленіе папы, новый лже-догматъ утвердился, чего, конечно, не могло бы быть, если бы во всемъ западномъ духовенствѣ, т. е. во всемъ просвѣщенномъ слоѣ тогдашняго обществѣ, не господствовалъ тотъ духъ насильственности, который ничего знать не хочетъ, кромѣ своего личнаго убѣжденія, хотя бы дѣло шло о такомъ предметѣ, въ которомъ, по самой сущности дѣла, это убѣжденіе должно быть некомпетентнымъ.

„То же самое мы видимъ при проповѣди христіанства апостолами славянъ, св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, въ Моравскомъ государствѣ. И здѣсь противодѣйствіе славянской проповѣди исходило не отъ папъ, а отъ нѣмецкихъ епископовъ. Папы неоднократно покровительствовали и, даже уже послѣ Николая I, одобряли чтеніе символа безъ filioque. Наконецъ, сама фабрикація подложныхъ Исидоровыхъ декреталій, основаніе будущаго католическаго зданія, произошла не отъ папъ, даже не подъ ихъ вліяніемъ, а совершенно отъ нихъ независимо, съ цѣлью усиленія епископской власти въ ущербъ мѣстныхъ областныхъ митрополитовъ. Я привожу это въ доказательство того, что католицизмъ возникъ и утвердился не столько вслѣдствіе папскаго честолюбія, сколько отъ насильственнаго характера западнаго духовенства, видѣвшаго въ себѣ все, а внѣ себя ничего знать не хотѣвшаго. Папы, конечно, воспользовались такимъ выгоднымъ для себя направленіемъ и, опираясь на него, стремились уже подчинить себѣ и востокъ".

XXV.

„Дальнѣйшая религіозная исторія Европы подтверждаетъ то же самое. Еслибы не общій духъ насильственности германо-романскихъ народовъ, откуда взялся бы несвойственный христіанству прозелитизмъ, огнемъ и мечемъ принуждавшій креститься племена восточной Германіи еще при Карлѣ Великомъ, а при послѣдующихъ императорахъ и сѣверо-западныя славянскія племена? Откуда эти рыцарскіе ордена, Тевтонскій и Меченосцевъ, несшіе насильственную проповѣдь къ Литвѣ, къ латышамъ и эстамъ и закрѣпостившіе себѣ имущество и личность этихъ народовъ? Гдѣ бы папы взяли средства для кроваваго подавленія альбигойцовъ и вальденцовъ? Откуда навербовала бы Екатерина Медичисъ убійцъ Варѳоломеевской ночи? Могли ли бы безъ насильственности въ самомъ народномъ характерѣ явиться ревнители папства, часто болѣе ревностные, чѣмъ сами папы, распространявшіе и защищавшіе его господство тонкимъ насиліемъ іезуитизма и грубымъ насиліемъ инквизиціи? Но лучшимъ

доказательствомъ, что не католицизмъ, какъ христіанское ученіе, такъ сказать, извнѣ навязалъ характеръ насильственности на всю религіозную дѣятельность европейскихъ народовъ, служитъ то, что и тамъ, гдѣ протестантизмъ, имѣющій притязаніе на ученіе свободное по преимуществу, замѣнилъ собою католичество, мы не видимъ въ его послѣдователяхъ большей терпимости. Кальвинъ сжигаетъ своего противника Серве не хуже какого-нибудь Констанцскаго собора; англичане гонятъ одинаково какъ католиковъ, такъ и пресвитеріанъ; пуритане представляютъ собою образецъ религіозной нетерпимости.

„Но вѣдь это, скажутъ мнѣ, все дѣла давно минувшихъ дней, результатовъ грубости, варварства—и не подаетъ ли теперь Европа, не только протестантская, но и католическая—примѣръ религіозной терпимости, совершеннаго невмѣшательства въ дѣла человѣческой совѣсти? Правда. Но когда же случился этотъ спасительный переворотъ? Не ранѣе, чѣмъ когда вообще религіозный интересъ отступилъ на второй, третій, четвертый, однимъ словомъ, задній планъ и стушевался передъ прочими интересами дня, волнующими европейское общество. Когда религія потеряла бо̀льшую часть своего значенія, такъ сказать, потеряла свой общественный характеръ, перестала быть res publica, удалившись въ глубь внутренней семейной жизни, тогда немудрено было сдѣлаться, наконецъ, терпимымъ въ отношеніи къ ней, т. е. въ сущности равнодушнымъ, по пословицѣ: „на Тебѣ, Боже, что намъ негоже“.

XXVI.

„Насильственность, какъ коренная черта европейскаго характера, черезъ это не уничтожилась. Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Когда явился новый предметъ, сосредоточившій на себѣ главный интересъ общества, въ немъ должны были по преимуществу проявляться и всѣ черты народнаго характера. Еще религія не потеряла своего первенствующаго значенія для европейскаго общества, какъ вниманіе его было обращено на отдаленныя морскія открытія, обѣщавшія обширное и выгодное поле дѣйствія всѣмъ предпріимчивымъ людямъ, которые къ нему обратятся.

„Колоніальныя завоеванія и колоніальная политика составляли главные интересы европейскихъ народовъ одновременно съ реформаціей и долго послѣ нея. Земной шаръ оказался тѣснымъ для честолюбія Испаніи и Португаліи; понадобилось раздѣлить его демаркаціонною линіею. Подвиги конквистадоровъ слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было на нихъ останавливаться; притомъ же они могутъ быть

истолкованы грубостью и алчностью искателей приключеній, принадлежавшихъ нерѣдко къ отребіямъ человѣческаго общества. Да и не это желалъ бы я выставить на видъ. Для своей цѣли я долженъ ограничиваться самыми общими крупными чертами, въ которыхъ, такъ сказать, замѣшано все общество. И фактъ достаточной крупноты представляетъ намъ торговля неграми: охота за людьми, упаковка, какъ товара, выбрасываніе толпами за бортъ, тяжелое рабство милліоновъ! Несмотря на разведеніе негровъ на людскихъ заводахъ и на крѣпкую природу ихъ, они не могли выдерживать тяжести неволи, безпрестаннаго труда и потому должны были быть непрестанно пополняемы изъ Африки, не оскудѣвающаго ихъ источника. Другого, столь же крупнаго факта не представляетъ всемірная исторія. Чтобы найти ему нѣкоторое подобіе, конечно, въ микроскопически малыхъ размѣрахъ, надо обратиться къ тѣмъ разбойничьимъ государствамъ, которыя существовали въ нѣкоторыхъ городахъ Сициліи и Южной Италіи во времена борьбы грековъ съ Карѳагеномъ и въ началѣ пуническихъ войнъ.

„Но если это и не дѣла давно минувшихъ дней, то во всякомъ случаѣ принадлежитъ прошедшему; а, главное, зло уничтожено или, по крайней мѣрѣ, значительно ослаблено самими же европейскими филантропами. Я и не думаю уменьшить ни заслугъ великодушныхъ людей, которые, подобно Вильберфорсу и Букстону, употребили всю жизнь свою на противодѣйствіе и борьбу съ вкоренившимся зломъ, ни заслугъ Англіи вообще въ ея дѣятельности къ прекращенію постыднаго торга. Согласенъ считать неосновательными тѣ объясненія, которыми старались набросить тѣнь на безкорыстіе Англіи въ усиліяхъ и пожертвованіяхъ, ею дѣланныхъ съ этою цѣлью, и охотно принимаю, что самая сила зла вызвала противъ него великодушную реакцію; но фактъ столѣтія продолжавшагося безпримѣрнаго насилія все-таки останется и ничѣмъ другимъ не можетъ быть объясненъ, какъ насильственностью въ самомъ характерѣ, такъ какъ эта торговля была не какимъ-либо правительственнымъ политическимъ дѣйствіемъ, а дѣломъ, въ которомъ добровольно принимала участіе значительная часть общества,— вся та часть его, которая въ немъ имѣла какой-нибудь интересъ. Однако же, если торговля неграми сокращена или совсѣмъ прекращена, если даже негры въ большей части колоній и колоніальныхъ государствъ освобождены, то не проглядываетъ ли та же торговля людскимъ товаромъ и въ вольномъ наймѣ „кулiевъ“?

XXVII.

„Главный интересъ европейскихъ народовъ, послѣ того, какъ прошла колоніальная горячка, обратился на вопросы гражданской и политической свободы. И опять насильственность характера проявилась не въ меньшей силѣ, чѣмъ въ религіи и колоніальной политикѣ. Не устающая дѣйствовать гильотина, ліонскія разстрѣливанія картечью, нантскія потопленія, внѣшвія войны, которыми проповѣдывались съ мечемъ въ рукахъ равенство, братство и свобода,— точно такъ же, какъ нѣкогда христіанство Карломъ Великимъ и рыцарскими орденами,—что же это такое, какъ не нетерпимость, не насильственное навязываніе своихъ идей и интересовъ во что бы то ни стало? И тутъ не такъ ли же, какъ у іезуитовъ, господствовало правило, что цѣль оправдываетъ средства,—эта истинная формула насильственности?

„Но и революціонный духъ улегается, политическій интересъ отодвигается на второй планъ, хотя и не столь далекій, какъ религія, и снова первую роль играютъ интересы матеріальнаго свойства, интересы торговли и промышленности. Эти интересы по самому существу своему личные и не допускаютъ, казалось бы, насильственности въ своемъ примѣненіи. И, однако же, и европейская торговля, эта мирная проводница цивилизаціи, представляетъ даже въ нашъ просвѣщенный и гуманный вѣкъ примѣръ насильственности, столь же единственный въ своемъ родѣ, какъ и торговля неграми. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Англія прокладываетъ пушками путь отравѣ въ Китай. Неужели всѣ конквистадоры, лигисты, инквизиторы или террористы на волосъ хуже, на волосъ болѣе насильственны, чѣмъ цивилизованные купцы, заставляющіе цѣлый мирный и почтенный уже одною своею древностью народъ отравляться нравственно и физически, въ угоду своимъ коммерческимъ выгодамъ? Святость или величіе интересовъ, во имя которыхъ неистовствовали первые, составляетъ скорѣе въ ихъ пользу извиняющее обстоятельство, если только подобныя насилія могутъ имѣть какое-нибудь извиненіе“.

„Не такъ же ли насильственно отношеніе западныхъ государствъ къ угнетаемымъ Турціею славянскимъ народамъ? Эгоистическій интересъ, даже ложно понимаемый, заставляетъ ихъ всѣми мѣрами величайшей несправедливости противиться освобожденію этихъ несчастныхъ народовъ,—противиться даже съ оружіемъ въ рукахъ. Интересы религіи требовали нѣкогда Варѳоломеевской ночи, интересы свободы сентябрьской рѣзни и неустанно дѣйствующей гильотины, интересы политическаго равновѣсія и неизвѣстно кѣмъ угрожаемой цивилизаціи требуютъ теперь сохраненія турецкаго варварства,—и свобода, жизнь, честь славянъ и грековъ приносятся въ жертву этому новому Молоху“.

XXVIII.

И у западно-европейскихъ, а чаще, конечно, у нашихъ идолослужителей европейской науки въ ходу одна лукавая и не лишенная изворотливости повадка.

Пытаются дать значеніе той лживой и ни на чемъ не обоснованной мысли, будто бы теорія сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ, что можно жить разсудку вопреки и наперекоръ стихіямъ и въ то же время сохранить строгую серьезность мышленія и объективное безпристрастіе сужденій, что человѣкъ безпутной и безалаберной жизни можетъ быть великимъ мыслителемъ, чуть не пророкомъ и учителемъ жизни.

Но явная ложь этой нелѣпой сказки на каждомъ шагу обнаруживается въ томъ, что извращенный законъ нравственнаго долга, въ его примѣненіи къ общественной жизни, сквозитъ сквозь софизмы дырявой логики, сквозь запутанную діалектику неточныхъ и неопредѣленныхъ доказательствъ.

То, что вѣрно для жизни и логики отдѣльныхъ людей, еще болѣе вѣрно для жизни и мышленія народовъ. Прочно обоснованный выводъ Данилевскаго о насильственности, какъ общей и главной психической чертѣ народовъ Европы, нашелъ бы для себя всю полноту доказательности, всю непререкаемость достовѣрности, если бы западная наука и философія проявила тѣ же черты насильственности и деспотизма. Тогда инквизиторы, конквистадоры, первые губернаторы Остъ-Индіи, Клайвы и Гастингсы, негроторговцы, палачи революціи и воинственные купцы, пушками пролагающіе дорогу своимъ сомнительнымъ и соблазнительнымъ товарамъ — въ исторіи Европы не будутъ стоять одиноко. Съ ними и за нихъ будетъ стоять наука и философія запада. Аргументація Данилевскаго получитъ послѣдній доводъ, который поставитъ его мысль на незыблемомъ основаніи.

Но такъ ли это?

Н. Соколовъ.

* * *

Весна, съ которой мы простились,
Глядитъ изъ зимняго окна,—
Фіалки, розы, амарилисъ,
Сирени пышная волна...
Съ какимъ-то торжествомъ побѣднымъ
Питомцы комнатныхъ теплицъ
Кидаютъ взглядъ прохожимъ бѣднымъ,
Сквозь стекла замкнутыхъ темницъ.
Ихъ не страшатъ сугробы снѣга
И холода морозныхъ дней.
Удѣлъ ихъ —чувственная нѣга
И душный міръ оранжерей.

Таковъ и ты съ улыбкой вѣчной
Среди житейскихъ бурь и золъ,—
Грядущій съ гордостью безпечной
На непокорный произволъ.
Людская жизнь проходитъ мимо
Съ волной мятущихся страстей,
Но ты стоишь неколебимо,
Какъ на могилѣ мавзолей.

В. Умановъ-Каплуновскій.

1901 г.

На театрѣ военныхъ дѣйствій [1]).

XIV.

Лицамъ, не посвященнымъ въ военное дѣло, часто является такое представленіе, что пошли на войну и вотъ она тянется безпрерывно, чуть не безъ отдыха, что пули вездѣ летаютъ, какъ шмели, что весь театръ войны постоянно насыщенъ ея грозою. На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ иначе. Съ объявленія войны начинается, въ зависимости отъ разстояній, болѣе или менѣе продолжительный періодъ сосредоточенія арміи, и это вводя еще то предположеніе, что обѣ враждующія стороны заранѣе къ ней готовились и мобилизовали свои войска. Въ текущую же кампанію намъ пришлось одновременно сосредоточивать и мобилизовать свои силы. Это при громадныхъ разстояніяхъ было дѣломъ чрезвычайно труднымъ и сложнымъ, и не будь у насъ великаго сибирскаго пути, оказалось бы совершенно невозможнымъ. Такимъ образомъ эта желѣзная дорога совершила государственную заслугу первостепенной важности.

Послѣ сосредоточенія армій начинается періодъ ихъ взаимнаго сближенія, затѣмъ нащупыванія другъ друга, причемъ конница той и другой стороны служитъ для своей арміи завѣсой, а для непріятельской, если можно сдѣлать такое сравненіе, рядомъ зондовъ, которые, запускаемые въ разныхъ направленіяхъ въ глубь непріятельскихъ войскъ, опредѣляютъ, гдѣ находятся авангарды, гдѣ главныя силы, какъ они взаимно расположены, куда двигаются. Эта трудная и отвѣтственная работа представляетъ собою точно мелкіе кусочки мозаики въ видѣ разнаго рода донесеній, поступающихъ въ штабъ арміи. Въ немъ кромѣ того имѣется развѣдывательное бюро, которое по-

[1]) См. „Русскій Вѣстникъ", Іюль 1904 г.